

18+

Проспер де Барант

**История
герцогов
Бургундии
из дома
Валуа
(1364–1477)**

Том 2

Проспер де Барант

**История герцогов Бургундии
из дома Валуа (1364–1477). Том 2**

«Издательские решения»

Барант П.

История герцогов Бургундии из дома Валуа (1364–1477). Том 2 /
П. Барант — «Издательские решения»,

Второй том Баранта о правлении Филиппа Смелого (1364–1384) — эпоха интриг Столетней войны. Автор разбирает борьбу при дворе Карла VI, убийство коннетабля Клиссона и зарождение вражды Бургундии и Орлеана. Отдельно — переговоры с Англией, крестовый поход, разгром при Никополе и Великая схизма. На основе хроник Барант создаёт драму амбиций, заложивших основу для будущей роковой вражды, определившей судьбу Франции и Бургундии.

© Барант П.

© Издательские решения

Содержание

ИСТОРИЯ БУРГУНДСКИХ ГЕРЦГОВ ДОМА ВАЛУА — 1364— 1477	6
Том второй — Филипп Смелый	7
Филипп Смелый	9
Книга вторая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	36

История герцогов Бургундии из дома Валуа (1364—1477) Том 2

Проспер де Барант

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Проспер де Барант, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-8603-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-9593-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСТОРИЯ БУРГУНДСКИХ ГЕРЦОГОВ ДОМА ВАЛУА — 1364—1477

Второй том труда французского историка и пэра барона де Баранта «История герцогов Бургундских дома Валуа», посвящённый правлению Филиппа Смелого (1364—1384), охватывает ключевые политические и военные события сложного периода Столетней войны и внутренних междоусобиц во Франции. В книге подробно рассматриваются такие темы, как влияние герцога Бургундского при королевском дворе, конфликты с герцогами Гельдерна и Бретани, планирование военных экспедиций в Англию и Африку, убийство коннетабля Франции Оливье де Клиссона, начало безумия короля Карла VI и борьба за регентство между его родственниками. Особое внимание уделено формированию Бургундской фракции в противовес партии герцога Орлеанского, переговорам с Англией, крестовому походу и разгрому при Никополе, а также непрекращающемуся церковному расколу (Великой схизме). Исследование основано на хрониках и документах эпохи и представляет политическую историю как драму личностей и амбиций, закладывающих фундамент для будущего противостояния, которое достигнет апогея при преемниках Филиппа Смелого.

Том второй — Филипп Смелый

«Франция на рубеже XIV—XV веков: болезнь короля, раскол власти и поиски национального пути».

Представленный текст второй книги из хроники, относящийся к периоду правления Карла VI Безумного (1380—1422), является не просто историческим повествованием, а концентрированным отражением глубокого кризиса, поразившего французское государство. Этот кризис был тройственным: династическим (болезнь монарха), политико-религиозным (Великий западный раскол) и социально-военным (Столетняя война). Анализ текста позволяет увидеть, как эти линии сплетались в тугой узел, определяя трагическую судьбу Франции.

1. Центр кризиса: «пустой трон» и борьба за регентство.

Фигура короля Карла VI, периодически теряющего рассудок, становится символом распада центральной власти. Его болезнь — не просто личная трагедия, а фактор дестабилизации государства. Эпизоды, когда король не узнает жену, пытается уничтожить королевские лилии и находится под влиянием герцогини Орлеанской, метафорически описывают распад самой монархической идеи. «Пустой трон» провоцирует ожесточенную борьбу за регентство между группировками герцогов Бургундского, Орлеанского и Беррийского. Эта «война всех против всех» в верхах парализует государство: переговоры с Англией заходят в тупик, а внутренние конфликты (вроде войны Клиссона с герцогом Бретани) лишь подогреваются принципами крови, преследующими личные интересы. Бессилие «верхов» компенсируется суеверием «низов»: неспособность врачей объяснить болезнь короля приводит к поиску «магических» причин и появлению фигуры шарлатана Арно Гийема, что подчеркивает общую атмосферу иррациональности и отчаяния.

2. Внешний и религиозный вызов: мир, который невозможен.

Переговоры в Леленгене между Францией и Англией демонстрируют фатальную взаимосвязь внутренних и внешних проблем. Желание мира (искупление поражений при Креси и Пуатье) наталкивается не только на непримиримость англичан, но и на церковный раскол. Отказ англичан от легата авиньонского папы Климента VII и требование «деградации» авиньонского папы показывают, как религиозный вопрос (поддержка римского Урбана VI против авиньонского Климента) стал инструментом большой политики, блокирующим дипломатию. Предложение герцога Бургундского отложить церковный вопрос и заняться сначала миром, а потом, с помощью Парижского университета, искать пути к унии, было разумным, но невыполнимым. Раскол церкви раскалывал и светские союзы, делая общеевропейский мир недостижимым.

3. Общество в поиске точки опоры: фигура «честного чиновника».

На фоне безумия короля и интриг принцев текст выделяет две социальные силы, пытающиеся сохранить целостность государства: горожане (в лице прево Жювеналя) и интеллектуальная элита (Парижский университет).

История с ложным обвинением прево Жювеналя — это миниатюра политической борьбы. Честный администратор, защищающий интересы королевства (и ранее пытавшийся спасти несправедливо арестованных сановников), становится жертвой клеветы со стороны партии герцога Бургундского. Однако его спасение — благодаря случайности (потеря документов собакой) и, главное, прямой поддержке короля в момент просветления — символизирует хрупкость справедливости и остаточной легитимности монархии. Сцена, в которой 400 горожан сопровождают Жювеналя в Венсенн, а затем король называет его «прудомом» (честным человеком), указывает на формирование общественного мнения и авторитета «третьего сословия», которое уже не может игнорировать любая власть.

Парижский университет, в свою очередь, представлен как носитель разума и единства. Ему король делегирует поиск пути к преодолению церковного раскола — задачи общеевропейского масштаба. Это признание интеллектуального авторитета университета как стабилизирующей силы в хаотичном мире.

4. Роковая двойственность военных реформ: сила народа как угроза элите.

Наиболее показателен финальный эпизод с военной реформой. Совет короля, анализируя причины побед англичан, делает гениальный и прогрессивный вывод: сила Англии — в ее свободных лучниках из *communes* (общин). Франция пытается перенять этот опыт, заменяя вредные азартные игры народной массовой военной подготовкой (стрельбой из лука и арбалета). Инициатива имеет огромный успех, в нее включаются все, включая детей. Но здесь система дает сбой. Власть имущих охватывает панический страх: «как бы *commun peuple* не осознал своей силы и не стал могущественнее принцев и дворян». Страх перед собственным народом оказывается сильнее страха перед внешним врагом. Реформа сворачивается, народ возвращается к «дурным азартным играм», а страна лишается шанса создать современную, национальную по духу армию. Этот момент является ключом к пониманию будущих поражений Франции: феодальная аристократия была готова пожертвовать безопасностью государства, лишь бы сохранить свою сословную монополию на силу.

Болезнь короля обнажила все язвы: сепаратизм феодальных кланов, тлеющую войну с Англией, религиозный раскол. В этих условиях зарождаются новые силы — горожане и интеллектуалы, — способные стать опорой для централизованной монархии и национального единства. Однако архаичная сословная система, воплощенная в принципах крови, оказывается неспособной к таким радикальным преобразованиям. Отказ от масштабной военной реформы из страха перед народом — это симптом более глубокого недуга: неготовности элиты к построению нации. Франции потребуются еще долгие десятилетия хаоса, гражданской войны между арманьяками и бургиньонами и национального унижения, прежде чем этот урок будет, наконец, усвоен и начнется трудный путь к централизации и созданию абсолютной монархии как ответа на вызовы времени. Описанный период — это момент, когда история Франции могла пойти по иному пути, но силы консерватизма и страха оказались сильнее.

Филипп Смелый

Книга вторая

Военные приготовления к высадке в Англии. — Ссора герцога Бретонского с коннетаблем Клиссоном. — Война с герцогом Гельдернским. — Удаление дядей короля от управления. — Убийство коннетабля. — Безумие короля. — Его дяди вновь обретают власть. — Переговоры с англичанами

Таким образом, умиротворив Фландрию, герцог Бургундский задумал осуществить грандиозный проект высадки в Англии с грозным вооружением. Новый мотив, добавлявшийся к пылкости молодого короля и всех его рыцарей, подстегивал выполнение стольких обязательств, взятых столь публичным образом. Герцог Ланкастерский собирался совершить большой поход в Испанию против короля Кастилии, самого верного и могущественного союзника Франции. Поэтому приготовления возобновились, и никогда ещё не готовились к войне с большей помпой и затратами; новые налоги, и более тяжёлые, чем те, что взимались за последние сто лет, были возложены на всякого рода лиц, на каждый город, на каждый крупный город и на всю сельскую местность. Многие были обложены налогом в четверть или треть их состояния, были даже такие, с кого требовали больше, чем они имели [1].

Были созваны все самые дальние сеньоры. Союзников Франции также пригласили присоединиться к армии. Корабли были собраны по всему морскому побережью, от Кадиса до Пруссии. Но голландцы и зеландцы предоставляли свои суда только за хорошую цену и наличными. Жители Зирикзее в Зеландии даже отказались чем-либо содействовать экспедиции против англичан.

В конце концов, никогда ещё в христианском мире не видели такого флота: так что уже в сентябре 1386 года в порту Слёйса насчитывалось тысяча двести восемьдесят семь судов. Коннетабль, со своей стороны, собирал другой в Трегье, в Бретани. Всё делалось с таким размахом, что была сооружена деревянная крепость, которую должны были перевезти в Англию, и все части которой можно было собрать на месте, чтобы разместиться по прибытии. Каждый сеньор соперничал в великолепии запасов, которые он грузил на борт, и особенно в украшении предназначенных ему судов [2]. Повсюду виднелись лишь росписи и позолота на мачтах; всё было украшено гербами; паруса были выдержаны в цветах каждого рыцаря. Баннеры, гюйды, флаги из богатой ткани развевались на ветру. Говорили, что сир де ла Тремуйль потратил более двух тысяч франков на украшение своего судна [3]. Но ничто не могло сравниться с кораблём герцога Бургундского. Снаружи он был весь расписан золотом и лазурью. На нём было пять больших баннеров с гербами герцогства Бургундского, графства Фландрского, графства Артуа, графства Ретель и графства Бургундского; четыре морских флага с лазурным полем и белым хвостом; три тысячи вымпелов с девизом Герцога; он, несомненно, был выбран для данного случая, но герцог сохранил его навсегда; это были слова: «Il me tarde» («Мне не терпится»). Его также вышили золотом на парусах, окружив маргаритками [4].

Это великолепие дорого обходилось народу; они льстили себя по крайней мере надеждой, что на этот раз их деньги и лучшее из их имущества не будут растрочены впустую и что англичан и их предприятия удастся обуздать навсегда [5]. Герцог не только взимал налоги со своих бургундских подданных, но и искал всевозможные средства для получения ресурсов. Он продал своё покровительство коммуне Безансона, вольному имперскому городу, пообещав за

пятьсот франков в год содержать гарнизон не в самом городе, но в соседнем замке Шатийон, с губернатором по выбору коммуны.

В то же время он вытянул из своего доброго города Дижона крупную сумму в восемь тысяч золотых франков для улаживания процесса, который его прокурор возбудил против мэра и эшевенгов. Речь шла главным образом о праве, на которое претендовала коммуна, — освободить от налогов и распределять их по своему усмотрению. Она проиграла в своих притязаниях и была вынуждена признать, что чиновники Герцога будут совместно с магистратами наблюдать за сбором талли и субсидий. Парижский парламент утвердил это соглашение [6].

Между тем вот уже более трёх месяцев рыцари съезжались со всех сторон и размещались в городах Фландрии и Артуа. Повсюду пекли сухари, наполняли бочки вином, солониной, мукой, салом, маслом, солью, луком, яичными желтками, овсом и даже сеном для лошадей. Казалось, будто собирались основать какую-то большую колонию вдали [7]. У всех были добрые намерения, но все думали, что это не лёгкое приключение. Герцог Бургундский принял все свои последние распоряжения.

Он торжественно составил своё завещание в Аррасе 13 сентября в присутствии Жана де Вьенна, адмирала Франции, сира де ла Тремульи, бургундского камергера, Жана Канара, канцлера, Ги де Понтайе, маршала, Гийома де ла Тремульи и Удара де Шазерона. Он прежде всего распорядился, чтобы его тело было погребено в усыпальнице, камни для которой он уже заранее приобрёл, в Шартрёз де Шанмоль, основанном им монастыре; он желал, чтобы его самый дорогой кузен и верный камергер, сир де ла Тремуль, был погребён у его ног; он запрещал пышные и дорогие похороны и просил лишь месс и молитв; он назначил огромное количество завещаний в пользу бедных и больниц в своих владениях и в Париже. Он предписывал множество благочестивых учреждений для церквей, капитулов и монастырей, особенно для Шартрёз де Шанмоль. Чтобы возместить паломничества, которые он намеревался совершить к святому Клоду, святому Антонию Вьеннскому, к Богородице в Пюи-ан-Овернь и которые его здоровье и служба королю всегда мешали осуществить, он оставлял крупные суммы этим трём церквям. Бедным школярам Парижского университета он дарил сто золотых франков. Он завещал двадцать тысяч франков слугам своего двора, подтверждал пожалования, ранее сделанные сирам де ла Тремульи и своим главным рыцарям. Его долги не были забыты, и он настоятельно рекомендовал их выплатить. Он наказывал своим преемникам бережно хранить реликвиарий, полученный им от своего возлюбленного брата, короля Карла. Он оставлял красивый бриллиант своему брату герцогу Беррийскому, распорядился, чтобы несколько других драгоценных камней переходили по наследству будущим герцогам Бургундским. Остальные он отдавал герцогине с тем, чтобы она выплатила половину их стоимости для исполнения завещательных распоряжений.

Он также заранее разделил имущество между детьми. Жан, граф Неверский, его старший сын, должен был получить Бургундию и Фландрию. Антуан, второй, унаследовал бы Артуа, Ниверне, Ретельуа и сеньорию Дуэ. Своим дочерям он оставлял лишь денежные суммы.

Он также тщательно определял, какими должны быть совет и двор его преемника. Он хотел окружить его как во Фландрии, так и в Бургундии слугами, чья верность и умение были проверены, и чтобы ничего не менялось в управлении его государствами.

Герцогиня Бургундская и граф Неверский подписали это завещание вместе с ним; они обязались исполнить все его волеизъявления [8].

Король, не менее усердный, чем любой из его рыцарей, уже покинул Париж, попрощавшись с королевой, герцогиней Орлеанской и всеми дамами дома Франции. Он присутствовал на торжественной мессе, отслуженной в соборе Парижской Богородицы для успеха его оружия. Затем он отправился просить орифламму в Сен-Дени; сначала ему отказали, ибо это священное знамя должно было выноситься лишь против неверных и для защиты королевства, но никогда — для завоевания других стран. Оттуда он прибыл в Санлис, где своим присутствием

подгонял приготовления к войне; затем в Амьен, потом в Аррас, где соединился с герцогом Бургундским.

Ничто не могло сравниться с радостью сеньоров и рыцарей. «Мы идём, — говорили они, — против этих проклятых англичан, которые столько зла и бедствий причинили Франции. Наконец-то на этот раз мы отомстим за наших отцов, братьев и друзей, которых они умертвили» [9]. Именно в этом пылу и воинственном духе они покидали свои дома и пересекали страну, чтобы прибыть во Фландрию. В местах, где они проходили, их было так много, что вся местность была опустошена и разорена. Ничего не осталось в сельской местности, уже разорённой налогами. Богатые впадали в отчаяние, бедные бежали; крестьяне, собравшие и убравшие свой урожай, сохраняли лишь солому, и если они хотели высказаться, их избивали или убивали; пруды вылавливались; дома разбирали на дрова. Приди англичане во Францию, они не смогли бы нанести большего ущерба, чем отряды французских людей войны. «У нас нет денег, — говорили они, забирая всё; — по возвращении мы вам заплатим». Бедный народ втихомолку проклинал их и говорил шёпотом: «Идите, и пусть ни один из вас не вернётся!» [10]

Всё было готово: меры приняты, порядок установлен; король прибыл в порт Слёйс. Каждый день повторяли: «Король отплывает завтра». Он и сам для удовольствия поднимался на свой корабль и говорил: «Мне очень хочется отправиться, и я думаю, что буду хорошим моряком, потому что море мне не досаждало». Но ожидали герцога Беррийского, который всё ещё был в Париже. Король написал ему, чтобы он приезжал, и получил в ответ лишь то, что тому стоит развлекаться и хорошо есть, ожидая [11]. Этот ответ привёл короля и герцога Бургундского в великий гнев. Беспорядок начал проникать в эту многочисленную армию. Припасы были дороги; рыцари расточительно тратились, наперебой друг перед другом, без всякой предусмотрительности. Великие сеньоры исправно получали своё жалованье от казначеев войск, но простые рыцари не видели ни денье. Их отсылали от недели к неделе. Одни были вынуждены закладывать своё вооружение; другие, когда им удавалось получить жалованье за восемь дней вместо восьми недель, которые им были должны, возвращались по домам. Погода становилась холодной и ненастной; все ссорились и роптали из-за таких странных проволочек. Воины, огорчённые этим, становились ещё более жестокими по отношению к горожанам и местным жителям, так что те были готовы взбунтоваться. Воспоминания о Розебеке и жестокостях французов смешивались с их новыми страданиями. Немного помешало разразиться всеобщему восстанию, и, возможно, ни один рыцарь, ни один оруженосец не вернулся бы во Францию. К счастью, сир де Гистелю удалось своими добрыми речами успокоить жителей Брюгге, которые уже начали браться за оружие [12].

Наконец герцог Беррийский пустился в путь, двигаясь неспешно; он прибыл в Слёйс. «Без вас, дядя, — сказал король, — мы были бы уже в Англии». Герцог Беррийский лишь рассмеялся и ответил насмешками и издевательскими словами, обратив всё в шутку. Однако он осмотрел приготовления, и все решили, что наконец-то отправятся. Но спустя неделю он заявил, что время года слишком позднее; что ветер встречный; что флот коннетабля был повреждён бурей по пути из Трегье; что армия находится в плохом порядке; что, наконец, не следует допускать, чтобы король лично участвовал в столь опасной экспедиции; что он категорически против этого, но готов отправиться сам со своим братом Бургундским. «Если кто-то поедет, то поеду и я», — говорил король. Короче говоря, было решено, что предприятие будет отложено до следующего года и что король вернётся во Францию. Это означало отказ от всего. Сеньоры и рыцари были в ярости. Их обманули и разорили. Они продали свои припасы за бесценок, чтобы получить хоть какие-то деньги и иметь возможность вернуться домой. Добрые города и всё королевство были истощены налогами, плоды которых пропали даром. Флот был рассеян бурей, и англичане захватили множество судов. Прекрасная деревянная крепость осталась у герцога Бургундского, и от стольких обещаний и стольких расходов ничего не осталось [13].

Тем не менее, было решено не прекращать из-за этого вести сильную войну с англичанами. Герцог Ланкастерский отправился в Испанию, чтобы оказать помощь королю Португалии против короля Кастилии. Было решено послать туда армию под командованием герцога Бурбонского, сирова де Линьяка и де Пассака. Не хватало денег: была наложена новая талья; и были так спешны, что вместо того чтобы позволить жителям добрых городов самим собирать свой налог и отчитываться о его размере в Париже, королевские комиссары были разосланы повсюду; там, не слушая возражений сеньора или коммуны, они вызывали двенадцать самых богатых, требовали с них всю сумму налога и, в случае неуплаты, отправляли в тюрьму, предоставляя им самим потом взыскивать её с более бедных. Жители Шампани и Пикардии, доведённые до нищеты множеством талей, которые шли одна за другой, бежали, покидая свои жилища, и в большом числе отправлялись селиться в Эно или епископстве Льежском, где талья была неизвестна [14]. Оттого примерно в это время случилось так, что святой отшельник, казавшийся благочестивейшим из людей и воспитанный в суровых подвигах покаяния, явился ко двору и попросил поговорить с королём. В доказательство своей миссии он показывал крест, чудесным образом запечатлённый на его руке. Сначала ему отказали, и это наделало достаточно шума; но наконец король пожелал увидеть и выслушать его. Тогда он сказал, что Бог открыл ему, что если субсидии не будут отменены, Его рука тяжко ляжет на короля; что Он накажет его в его лице и лишит его всякого потомства. Король был весьма потрясён словами отшельника и всерьёз задумался об отмене субсидий. Герцоги Бургундский и Беррийский, узнав об этом, явились к нему; они сказали ему, что этот отшельник — не более чем безумец и что не следует обращать внимания на его слова. Они показали королю, что без субсидий не будет средств вести войну и содержать его двор и двор королевы. Таким образом, ничего не изменилось [15].

В то же время, когда французская армия выступала в поход на Кастилию, англичан атаковали и с моря. Коннетабль собирал остатки флота в Трегье и хотел, воспользовавшись великими раздорами, царившими тогда в Англии, высадиться там с несколькими тысячами копий. Сир де Куси и нормандские дворяне также начали действовать на море и нападать на английские суда. Их успехи поначалу были удачными: они разбили вражеский флот под командованием мессира Хью Деспенсера, взяли его в плен и захватили богатую добычу.

Англичане, в свою очередь, получили благоприятный случай. Они подстерегли фламандский флот, который ежегодно отправлялся за сентонжскими и пуатевинскими винами в Ла-Рошель и вёл торговлю со всей этой областью Франции; они атаковали конвой, когда он, богато нагруженный, собирался вернуться в порты Фландрии. Бой был жестоким. Фламандцами командовал искусный адмирал, очень любимый Герцогом, по имени Жан Бюкк. Граф Арундел был адмиралом английского флота; Пьер Дюбуа был с ним и, поскольку он был опытным моряком и знал манёвры фламандцев, давал мудрые и смелые советы. Фламандский флот был разбит, Жан Бюкк попал в плен, и если бы порт Слэйса не предоставил убежища рассеянным судам, всё было бы потеряно. Пьер Дюбуа хотел атаковать Слэйс и, возможно, удалось бы захватить его с первого раза. Англичане высадились поблизости и причинили много опустошений на побережье [16].

Герцог Бургундский очень огорчился потерей своих кораблей и адмирала. Но в остальном всё ему удавалось. Он распоряжался королём Франции по своему усмотрению. Он добился от него разрешения сохранить Лилль, Дуэ и Орши, которые он когда-то обязался вернуть после смерти графа Фландрского. Он постоянно получал суммы королевских налогов, наложенных на Бургундию и другие его владения во Франции; постоянно король возмещал ему крупные суммы на расходы, которые он якобы понёс в интересах королевства. Поэтому он расточал свою щедрость при дворе и на всё, что окружало короля; это были по всякому случаю великолепные подарки и подношения королю, королеве, герцогу Беррийскому. Он дарил им бриллианты, жемчуг, изделия золотых дел мастеров самой прекрасной работы, ткани из золота и

серебра. Его собственная семья и главные слуги также были одарены с неслыханным великолепием. Он обставлял свои замки тканями и arrasскими коврами прекраснее всех, что видели до тех пор. Он был не менее щедр к церквям и дарил им богатейшие облачения. Брак двух его дочерей также стал поводом для великой расточительности и расходов. Он обручил вторую с Леопольдом Австрийским, который ранее предназначался для старшей, вышедшей замуж за герцога Вильгельма Баварского. Третью, едва родившуюся, он обручил по торжественному договору с Амедеем, сыном графа Савойского. Таким образом, герцог Бургундский обеспечивал себе могущественных союзников; но он также был очень верен в оказании им добрых услуг. Граф Савойский, оказавшись в войне с маркизом Монферратским, получил от него сто латников под командованием сира Готье де Вьенна. Вскоре после этого он отправил двести двадцать латников под командованием Гийома де ла Тремуйля на помощь своей тётке, герцогине Брабантской, которая воевала с герцогом Гельдернским [17].

Это дело внезапно приобрело большое значение. Этот князь вступил в союз с англичанами и принял от них пенсион в четыре тысячи франков; ободрённый их покровительством, он послал вызов королю Франции. Его отец, герцог Юлихский, был человеком мудрым, которого в своё время король Карл V привлёк в союзники Франции большими дарами; он даже сделал его своим вассалом, пожаловав ему сеньорию Вьерзон. Поведение сына казалось ему неблагоразумным, и он говорил ему: «Гийом, вы наделаете столько, что мы дорого заплатим за вашу поездку в Англию. Разве вы не знаете, что герцог Бургундский могущественнее любого князя? Как сможете вы противостоять столь грозному сеньору?» На что герцог Гельдернский отвечал: «Чем он богаче и могущественнее, тем лучше с ним воевать. Я предпочитаю иметь дело с богатым сеньором, у которого много владений, нежели с каким-нибудь мелким графом, с которого мне нечего взять. За один удар, что я получу, я нанесу шесть. К тому же, у меня будет помощь короля Англии и императора Германии, его союзника». — «Честное слово, сын мой, вы безумны, — продолжал герцог Юлихский, — и пройдёт немало времени, прежде чем ваши надежды сбудутся» [18].

Самонадеянность герцога Гельдернского была так велика, что его письма с вызовом королю Франции были написаны весьма непочтительным языком и даже не содержали никаких причин для войны. Бедный оруженосец, доставивший их, сильно опасался, что ему несдобровать за доставку подобного послания. Он сначала прибыл в Турне и вручил письма прево города, затем хотел вернуться обратно; но прево посадил его в тюрьму и послал спросить у герцога Бургундского, что с ним делать. По приказу Герцога его доставили в Париж. Тут уж он считал себя мёртвым; напротив, его не стали считать ответственным за поступок его господина; король даже подарил ему прекрасный серебряный кубок с пятьюдесятью франками внута [19].

В любое другое время подобное оскорбление вызвало бы немедленное возмездие. Высшие бароны Франции были весьма разгневаны; они говорили, что король не должен щадить ни усилий, ни расходов, чтобы заставить этого мелкого князя извиниться за свои дерзкие слова; и что если не отправиться на поиски столь наглого соседа, иностранцы станут плохо говорить о знати Французского королевства, чей долг — хорошо советовать королю и хранить его честь. Сир де Кузи был одним из самых ревностных, требовавших отомстить этим немцам [20]. Но королевский совет тогда находился в больших затруднениях.

Пока коннетабль готовил в Трегье свою экспедицию в Англию, герцог Бретонский, чтобы заключить мир с англичанами, которые, будучи им недовольны, освободили Жана де Блуа, его соперника в герцогстве Бретонском, решил погубить коннетабля, их самого страшного и неутомимого врага. В то же время он помышлял о мести; ибо коннетабль, не боясь ему досадить, выдал свою дочь за Жана де Блуа. Кроме того, с тех пор как он поступил на службу Франции, он проявлял такое рвение, что привлёк всех главных сеньоров Бретани стать, как

и он, слугами короля; так что они почти перестали быть подданными и послушными своему прямому сеньору [21].

Накануне отплытия герцог Бретонский собрал большой парламент баронов и рыцарей Бретани. Он любезно попросил коннетабля присутствовать на нём: сир де Клиссон счёл бы себя виновным перед своим сеньором, если бы не явился, хотя и знал, что тот к нему не расположен. Герцог Бретонский принял его за своим столом с самыми дружескими манерами, затем принял приглашение отобедать у него, пожелал ему счастливого пути и, когда они собирались расстаться, пригласил приехать посмотреть прекрасный замок Эрмин, который он строил близ города. Он сел на коня вместе со своим шурином, сиром де Лавалем, сиром де Бомануаром и несколькими другими рыцарями и отправился в Эрмин.

Герцог Бретонский водил его за руку из покоя в покой, тщательно показывая всё; они вместе выпили в погребе; затем, когда они оказались возле большой башни, герцог Бретонский сказал ему: «Сир Оливье, нет человека, который разбирался бы в каменных работах лучше вас, ведь вы создали столь прекрасные, особенно в вашем замке Клиссон: поднимитесь на мою башню и скажите, как она вам. Я изменю то, что вы осудите. Поднимайтесь; я на минуту останусь здесь с сиром де Лавалем». Коннетабль поднялся по лестнице; но едва он миновал первый этаж, как подосланные люди захлопнули за ним дверь, бросились на него и заковали в кандалы, говоря: «Монсеньор, простите нас, ибо таков наш приказ». Сир де Лаваль, услышав шум и увидев, как дверь закрылась, заподозрил неладное; он взглянул на герцога Бретонского и увидел, что тот весь побледнел. «Ах! Монсеньор, что вы хотите сделать? — сказал он; — прошу вас, не замышляйте ничего дурного против моего шурина». — «Сир де Лаваль, — ответил герцог Бретонский, — садитесь на коня и уезжайте». — «Нет, монсеньор, я не уеду без коннетабля», — возразил сир де Лаваль. Тут подошёл сир де Бомануар, который также спросил про коннетабля. Разъярённый герцог выхватил кинжал и бросился на него: «Хочешь, чтобы с тобой поступили, как с твоим господином? — сказал он. — Монсеньор, — ответил сир де Бомануар, — я полагаю, что с моим господином обходятся хорошо». — «Я спрашиваю тебя ещё раз: хочешь ли ты, чтобы с тобой поступили, как с ним?» — «Да, монсеньор». Тогда герцог Бретонский, бледный и дрожащий, поднял кинжал, говоря: «Я выколю тебе глаз; ты станешь одноглазым, как он». Сир де Бомануар преклонил колено и сказал: «Монсеньор, в вас столько доброты и благородства, что, даст Бог, вы поступите с нами по справедливости. Мы в вашей власти; мы прибыли сюда в вашем обществе по вашей просьбе и приглашению; не бесчестьте себя исполнением безрассудной мысли, которая вас обуяла: это произведёт слишком большой шум». — «Что ж, — сказал герцог Бретонский, — с тобой поступят не хуже и не лучше, чем с ним». Он приказал заковать его и заточить.

Вскоре новость распространилась по замку и городу; все были поражены изумлением и думали, что герцог Бретонский собирается умертвить коннетабля и сира де Бомануара. Рыцари говорили: «Никогда ещё князь не покрывал себя таким позором, как герцог Бретонский. Он просил коннетабля пообедать у него; он сам пришёл навестить его в его отеле, пил его вино, просил его приехать осмотреть его замок: а затем задерживает его в плену. Никогда не бывало ничего подобного ни в Бретани, ни где-либо ещё! О чём думает герцог? Он навеки обещен и презрен! Не будет больше доверия к князьям, раз герцог так заманил в свой замок и обманул ложью этих мудрых и доблестных людей. На кого же можно и должно более полагаться, чем на своего сеньора? Не должен ли сеньор всегда творить правосудие для своих людей? Если бы мелкий рыцарь совершил такое, он был бы точно обещен!.. Что скажет король Франции, когда узнает эти новости? Вот его война с Англией провалена! Герцог Бретонский ясно показывает, что у него на сердце, и как он целиком за англичан. Королю Франции надлежит отомстить за этот поступок... И что же теперь должны делать рыцари и оруженосцы Бретани? Им следовало бы осадить замок Эрмин, захватить Герцога мёртвым или живым и привести этого вероломного князя к королю Франции». Другие, более хладнокровные, добавляли: «Сир

де Лаваль остался с ним, это мудрый и благоразумный сеньор, он сумеет вернуть Герцога на добрый путь».

Тем именно и занимался сир де Лаваль, и времени терять было нельзя. Ибо трижды герцог Бретонский приказывал заковывать коннетабля и класть его голову на плаху, затем приказывал сиру де Бавалану, управляющему замком, засунуть его в мешок и бросить в воду. «Ах! монсеньор, — восклицал сир де Лаваль, стоя на коленях, — ради Бога, пощадите! Не совершайте такой жестокости над моим шурином коннетаблем. Он не заслужил смерти: что может так сильно разгневать вас на него? Если он вас оскорбил, клянусь, что он или я возместят нашим телом или имуществом, по вашему желанию, причинённый вам вред. Монсеньор, ради Бога, вспомните, как вы оба были товарищами в юности, и воспитывались в одном доме вместе с герцогом Ланкастерским, тем благородным князем. Вспомните, с какой верностью он служил вам прежде заключения мира с королём Франции; он помог вам вернуть ваше наследство, и вы всегда находили в нём доброго советчика и доброго воина; на вашей службе он потерял этот глаз». — «Сир де Лаваль, — отвечал герцог Бретонский, — оставьте меня, я хочу поступить по своей воле, Клиссон слишком меня оскорбил; вот час моей мести, я ничего не хочу от вас, уезжайте, позвольте мне свершить мою жестокость; я хочу, чтобы он умер». — «Монсеньор, — продолжал сир де Лаваль, — ради Бога, пощадите! Умерьте немного свой гнев, прислушайтесь к голосу разума. Если вы его умертвите, ни один князь не будет так опозорен; не останется в Бретани ни рыцаря, ни оруженосца, ни города, ни замка, ни доброго города, которые бы не возненавидели вас смертельно и не пожелали изгнать вас из вашего наследства; король Англии и его совет даже не будут вам за это благодарны. Вы погубите себя из-за жизни одного человека. Изберите другой замысел, ибо этот ничего не стоит; погубить предательством такого великого барона и такого благородного рыцаря, как сир де Клиссон, значило бы погубить себя перед Богом и перед миром. Подумайте же, что вы приглашали его к себе на обед, что вы приняли его приглашение, что вы привели его в свой замок, показывая ему величайшую любовь, что вы пили вместе как добрые друзья: и вы хотите предать его смерти! Если вы так его ненавидите, возьмите с него выкуп, потребуйте какую угодно сумму; если у него есть города или замки, которые вам подходят, потребуйте их, я ручаюсь, что он их вам передаст».

Ничто не могло утишить ярость герцога Бретонского. Когда этот князь впадал в гнев, он уже ничего не слышал и никого не признавал. Сир де Бавалан также бросился к его ногам и вновь умолял его не бесчестить себя. «Чтобы больше никто не говорил мне об этом, Бавалан, — возразил он, — я хочу получить удовлетворение с этого злодея, который меня оскорбил! Сделай, что я тебе приказал, или ответишь мне жизнью».

Ночь прошла таким образом, сир де Лаваль почти не отходя от герцога Бретонского и без устали возобновляя свои мольбы. Наконец, под утро, к тому пришли лучшие мысли; он задумался о крупной распре, в которую собирался ввязаться, о бесчестье, которым покрывает себя, о вероломстве своего поступка. Он предавался этим размышлениям, когда в его покой вошёл сир де Бавалан. «Монсеньор, — сказал он, — ваша воля исполнена; хотя мне это и стоило немалого труда». Услышав эти слова, герцог Бретонский пришёл в отчаяние; он хотел умереть; рыдал навзрыд. «Ах! негодный слуга, — говорил он сиру де Бавалану, — что послушался моей безумной ярости и умертвил столь благородного рыцаря». Но сир де Бавалан мог лишь напоминать ему его собственные слова. «Монсеньор, — отвечал он, — вспомните, как вы мне это приказали и какими угрозами меня запугивали». Герцог Бретонский заперся один и даже отказывался от всякой пищи. Под вечер сир де Бавалан вернулся. «Ах! зачем вы пришли, — сказал герцог, — и зачем являться мне на глаза? Я хотел бы умереть. Увы, если бы я уже был мёртв! Какое средство можно найти от зла, которое вы мне причинили?» Тогда сир де Бавалан ответил ему: «Монсеньор, успокойтесь, мессир де Клиссон не умер. Видя ярость, которая вас одолевала, я позволил вам отдавать приказы по вашей воле; но, подумав о том, что из этого может последовать, я побоялся, как бы вы не оказались впоследствии весьма опечалены,

если бы я сделал то, что вы приказали». Герцог Бретонский вдруг очень обрадовался; он не раз обнял сира де Бавалана, говоря ему: «Бавалан, мой дорогой друг, ты был хорошим слугой своего господина, ты оказал мне самую лучшую услугу, какую один человек может оказать другому. Я буду благодарен тебе всю жизнь и даю тебе десять тысяч флоринов из моей казны».

Каким бы радостным ни был герцог Бретонский от того, что не совершил столь дурного поступка, его ненависть к коннетаблю не стала меньше. Он велел позвать сира де Лаваль и сказал ему: «Идите к коннетаблю, скажите ему прямо, что он человек, которого я ненавижу больше всего на свете. Если бы не вы оказались здесь, он никогда бы не вышел отсюда живым; но, дав мне пищу для размышлений, ваши слова спасли его. Потребуйте с него сто тысяч франков, пусть уступит мне город Жюгон и три замка — Блен, Жосселен и Ла-Рош-Дерьен. Тогда я его освобожу, хотя, по-моему, его освобождение когда-нибудь причинит мне великий вред». Сир де Лаваль спустился в башню; он застал коннетабля закованным в тройные цепи, в сыром подземелье, и покрытым лишь жалким плащом, который сжалился и бросил ему один из оруженосцев, его стерегущих. Он ожидал лишь смерти и согласился на требуемый выкуп. «Мой брат де Лаваль, поезжайте, — сказал он, — в мой замок Клиссон, чтобы достать сто тысяч франков, каких хочет герцог». — «Я не уеду отсюда, пока вы отсюда не выйдете, — ответил сир де Лаваль; — герцог слишком жесток, он мог бы раскаться в моё отсутствие; ему стоило лишь вновь поддаться какой-нибудь безумной и яростной фантазии, и всё было бы кончено. Я скажу ему, чтобы он освободил сира де Бомануара и отправил его».

Герцог на это согласился: «Пусть снимут с них оковы, — сказал он, — и уладьте всё соглашение с ними, ибо я не желаю их видеть». Их вывели из подземелья, им подали трапезу. Слуги герцога Бретонского были очень рады; ибо они с большой неохотой повиновались своему господину [22].

Между тем весть о том, что герцог Бретонский вероломно задержал и собирается предать смерти коннетабля Франции, разнеслась повсюду. Вся его армия, находившаяся в Трегье и готовая отплыть в Англию, была возмущена этим вероломством и тем, что экспедиция сорвана. Адмирал де Вьенн и сир де Куси, также собиравшиеся отплыть из Онфлёра, были ещё более поражены таким происшествием и не хотели в него верить. Сначала они подумали о том, чтобы распустить всех воинов: «Поедем лишь к королю в Париж, — сказал адмирал, — возможно, ему понадобятся наши люди, чтобы послать их против этого герцога. Считаете ли вы, что король Франции должен оставить это дело так? Разумеется, нет. Сорвав наше путешествие и погубив таким образом наши приготовления, герцог наносит ему ущерб не менее чем в двести тысяч флоринов, не говоря об оскорблении, нанесённом его коннетаблю, от которого тот, возможно, и не уйдёт живым».

В несколько дней сир де Бомануар передал четыре крепости людям герцога Бретонского и собрал сто тысяч франков. Коннетабль был освобождён и не задержался в Бретани. Он сел на доброго коня, сопровождаемый лишь одним пажом, и за несколько дневных переходов прибыл в Париж. Он ненадолго остановился в своём отеле; затем без промедления явился в Лувр к королю и его двум дядям, герцогу Бургундскому и герцогу Беррийскому. Его приключение было уже известно; но его не ожидали столь скоро. За ним следовали люди его дома и большая свита. Ему открыли двери покоев короля, как было заведено; он вошёл и, преклонив колена, обратился к королю: «Всепресветлейший государь, ваш отец, да упокоит его Бог, назначил меня коннетаблем Франции. Я исполнял эту должность верно. Не думаю, чтобы кто-либо мог упрекнуть меня в этом. И если кто-нибудь, кроме вас и ваших дядей, монсеньоров, пожелал бы сказать, что я плохо с ней справился, что я изменил вам и благородной короне Франции, я бросил бы здесь вызов на поединок». Все хранили молчание, и коннетабль продолжил: «Итак, дорогой государь, мой благородный король, случилось так, что пока я исполнял должность коннетабля, герцог Бретонский задержал меня в плену в своём замке Эрмин и хотел предать смерти, без иного мотива, кроме своей ярости и воли. И действительно, он дошёл бы

до этого, если бы Бог и мой брат де Лаваль не спасли меня. Чтобы освободиться, мне пришлось заплатить сто тысяч франков и уступить четыре мои крепости. Благородный король, оскорбление, которое нанёс мне герцог Бретонский, в значительной мере касается вашего королевского величества. Война, которую я и мои товарищи собирались вести за вас, остановлена. Поэтому я возвращаю вам должность коннетабля. Даруйте её тому, кто вам угоден; я же более не могу её исполнять с честью». — «Коннетабль, — сказал король, — мы хорошо знали, что вам нанесли ущерб и оскорбление. Это во вред нам и нашему королевству; мы немедленно пошлём за нашими пэрами Франции и решим, что надлежит сделать. Не беспокойтесь, вам воздадут справедливость». Он протянул руку коннетаблю, поднял его и добавил: «Мы не хотим, чтобы вы оставляли свою должность, сохраните её, пока на то будет наша воля». Тогда сир де Клиссон вновь преклонил колено: «Дорогой государь, — сказал он, — обида, которую я получил от герцога Бретонского, занимает мои мысли столь сильно, что я не могу уделять достаточно внимания исполнению столь великой должности. Приходится иметь дело со всякого рода людьми, нужно каждому отвечать, и я чувствую, что не смогу делать это должным образом. Позаботьтесь же, по крайней мере на время, о вашей должности коннетабля. Я же всегда к вашим услугам». — «То, что он предлагает, разумно, — сказал тогда герцог Бургундский, — вы об этом подумаете, монсеньор». — «Правда», — сказал король. Тогда коннетабль начал говорить наедине с герцогами Бургундским и Беррийским, подробно рассказывая им о своём приключении; ибо именно они управляли всем в королевстве. Но он вскоре заметил, что они относятся к делу не столь живо, как король. У герцога Беррийского были на то свои причины; он только что заключил тайный договор с герцогом Бретонским, и все его усилия были тогда направлены на то, чтобы через него получить в жёны дочь герцога Ланкастерского. Короче говоря, вместо того чтобы жалеть его, они порицали его за неосмотрительность, за то, что он покинул свою армию, доверился герцогу Бретонскому, позволил отвести себя в его замок. «Монсеньор, — говорил коннетабль, — он проявлял такие добрые чувства, что я не смел отказаться». — «Ах, — сказал герцог Бургундский, — это добрые чувства скрывают обман. Коннетабль, я считал вас более благоразумным. Идите, идите, об этом подумают». Сир де Клиссон вернулся в свой отель, весьма огорчённый таким приёмом. Однако главные сеньоры парламента и совета поспешили навестить его, уверяя, что всё будет хорошо и что он будет отомщён за обиду, которая затрагивала честь короны. Адмирал Франции, сир де Куси, сир де Сен-Поль посоветовали ему удалиться в свой замок Монлери и позволить им вести это дело. «Оно не может так остаться, — говорили они, — пэры Франции примут решение». Должность коннетабля таким образом осталась вакантной. Говорили, что её предоставят сир де ла Тремуйлю. Но он был слишком благоразумным, чтобы отнять столь высокий пост у сира Оливье де Клиссона.

И действительно, все сеньоры и даже народ не переставали говорить об этом оскорблении со стороны герцога Бретонского. «Король, — говорили, — молод и не чувствует его последствий. Будь он постарше, он сильно бы вознегодовал». Старейшие добавляли, вспоминая прошлое: что из-за подобного дела королевство некогда было в сильном смятении. «Когда король Наваррский велел убить мессира Карла Испанского, коннетабля Франции, король Жан никогда не простил ему этого и лишил его всех его земель в Нормандии. А если бы жил мудрый король Карл, так любивший коннетабля, думаете ли вы, что он не пришёл бы ему на помощь? Ей-богу, он повёл бы войну с герцогом Бретонским и отнял бы у него его герцогство, чего бы это ему ни стоило». Более того, вспоминали, что герцог Бретонский всегда предавал короля ради англичан, что своими интригами он добился перемирия, которое недавно спасло их армию во Фландрии; что затем он сорвал осаду Бреста; короче, что он был врагом королевства [23].

Дяди короля вскоре увидели, что, дабы немного утихомирить все разговоры, необходимо заняться этим делом и свершить правосудие над коннетаблем. Было решено сначала послать трёх мудрых и почтенных людей к герцогу Бретонскому, чтобы выслушать его доводы и угово-

речь явиться к королю. Епископ Бове, адмирал Жан де Вьенн и сир де Бёйль были избраны для этого посольства. Сначала они отправились в Монлери, чтобы посоветоваться с коннетаблем. Епископ Бове там заболел и умер, к великому сожалению, ибо то был достойный муж, бывший канцлером Франции. Епископ Лангра был назначен на его место, и трое депутатов отправились в Бретань. В Нанте им сказали, что герцог в Ванне; они прибыли туда. Епископ Лангра произнёс речь: «Господин герцог, — сказал он, — мы посланы королём, нашим государем, и его дядями, монсеньорами, чтобы сказать вам, сколь они удивлены, что вы помешали экспедиции в Англию, задержав в плену коннетабля, более того, вы взяли с него выкуп и лишили части его наследства. Мы уполномочены королём и его дядями, монсеньорами, сказать вам, и мы вам говорим, чтобы вы вернули мессире Оливье де Клиссону, коннетаблю Франции, города и замки, которые вы у него отняли, а также его деньги. Таково мнение королевского совета, и более того — чтобы вы явились в Париж и извинились перед ним. Вы состоите с ним в родстве, и он настолько добр и терпелив, что благосклонно примет ваши извинения. К тому же монсеньор Бургундский и монсеньор Беррийский поспособствуют этому, и вы останетесь кузеном и другом короля. Я ли сказал согласно вашим мыслям, мессир де Вьенн и мессир де Бёйль?» — «Да», — ответили они [24].

Герцог сказал им, что хочет обдумать их требования, и тем временем принял их с величайшей учтивостью, как подобало посланникам короля, его сеньора. Они отобедали за его столом; на следующий день он велел позвать их и ответил им так: «Мои добрые сеньоры, я не сделал ничего по отношению к мессире Оливье де Клиссону, в чём раскаиваюсь, разве что в том, что отпустил его столь дёшево и спас ему жизнь. Но это ради его должности, а не его персоны, ибо я ненавижу его смертельно. Что же касается войны с Англией, я вовсе не помышлял её срывать. Врагов берут там, где находят; к тому же, будь он мёртв, дела Французского королевства шли бы так же хорошо, и даже лучше, чем по его совету. Поэтому я сохраняю за собой его замки, разве что король выгонит меня оттуда; что же до его денег, они послужили мне, чтобы заплатить долги, сделанные из-за дурных дел, которые коннетабль мне навязал».

Депутаты не смогли добиться от него иного ответа. Ненависть, которую он питал к коннетаблю, ослепляла его и лишала всякого разума; он всё ещё сожалел, что не умертвил его, и пренебрегал всеми силами и гневом короля Франции, не думая об опасности, в которую себя ставил. Однако он готовился к войне и, поскольку знать была против него, старался завоевать любовь и страх добрых городов своего герцогства; в то же время он вёл переговоры с англичанами и молодым королём Наварры.

Таково было дело, занимавшее королевский совет, когда прибыл вызов герцога Гельдернского, а вскоре после этого — посольство герцогини Брабантской, которая молила короля оказать ей помощь и покровительство. Какое бы желание ни имел герцог Бургундский поставить герцога Гельдернского на место, необходимо было прежде уладить разногласия, разделявшие короля и герцога Бретонского. Война с Гельдерном была не так проста, как можно было подумать сначала. Англичане были союзниками этого герцога; германские земли могли вступить за него: нельзя было ввязываться в эту экспедицию, оставив за собой силы герцога Бретонского; сеньоры королевского совета не потерпели бы этого. Это хорошо видели герцоги Бургундский и Беррийский; даже начали роптать против них, особенно против герцога Бургундского, говоря, что эта гельдернская война касается только его самого и что ему стоит отправиться туда без короля, не оставляя королевство на милость бретонцев [25].

Герцог Бретонский был вызван для личной явки перед королём в Орлеан в 1388 году; но он и не думал подчиняться. Герцог Беррийский пожелал сделать ещё одну попытку, он послал к нему своего кузена графа д'Этамп, из дома Франции, происходившего из ветви Эврё, доблестного рыцаря, слывшего искусным переговорщиком; какую бы мягкость и терпение он ни проявлял, несмотря на уверения в дружбе, которые он передал ему от имени дядей короля, несмотря на обещания крепостей и владений в обмен на владения коннетабля, ему не удалось

образумить его; он получил от него лишь хороший приём и великолепные подарки для короля Франции.

Однако в назначенный день, после того как герцога Бретонского долго прождали, сир де Клиссон преклонил колени перед королём, говоря, что он подтверждает уже сказанное: а именно, что герцог поступил с ним как ложный, предательский и вероломный сеньор, и что если кто-нибудь захочет утверждать обратное, он бросает перчатку и требует поединка; никто не поднял перчатку. Король вернулся в Париж, более чем когда-либо негодующий на герцога Бретонского и всерьёз помышляя об отмщении за своего коннетабля.

Война, действительно, должна была начаться; уже, по известию, что английская армия в море, сир де Клиссон с предосторожностью занял Сен-Мало и Сен-Матюрен, два бретонских порта. Тогда герцог впервые задумался о том, какой путь избрать. Он посоветовался с людьми своего совета; они сказали ему: «Сир, вам придётся отказаться от своего замысла или решиться на большие потери и разорение всего вашего наследства. Не время подвергать его риску, когда сударыня ваша супруга беременна; оставайтесь же в мире, поскольку вам дают к тому средство. Король Наваррский оказывает малую помощь, говорят, герцог Ланкастерский отдаёт свою дочь герцогу Беррийскому; таким образом, вы не можете рассчитывать на Англию. Вот король Франции, который теперь хочет отомстить за своего коннетабля и честь своей короны. Он собрал большую армию, чтобы выступить против герцога Гельдерна и, как говорят, намерен полностью повернуть её против вас. Более того, лучшая часть прелатов, баронов, рыцарей, городов и добрых городов страны против вас. Поэтому мы вам говорим, поскольку вы спрашиваете у нас совета, что сейчас время, лучше которого не будет, подумать о том, как не потерять своё наследство, которое стоило вам столько крови, пота и трудов. Мы хорошо знаем, что вы смертельно ненавидите мессира Оливье де Клиссона и что он вас оскорбил; но всё же он коннетабль Франции: король, его дяди, бароны королевства поддерживают его против вас. К вам, говорят, снова посылают адмирала Франции и сира де ла Ривьера, и, должно быть, дело принимает серьёзный оборот, раз на этот раз с ними едет сир де Куси, ваш шурин. Если вы начнёте войну с французами после всего сказанного, то это будет не по нашему совету и не по совету того, кто вас любит. На что вам нужны три замка, которые вы взяли у мессира де Клиссона и которые будут стоить вам больше на охрану за три года, чем принесут за двенадцать? Верните их по собственной воле, мягко и без всякого принуждения; это успокоит умы и вернёт вам друзей. Монсеньор герцог Бургундский будет вам за это благодарен; вы не можете не знать, сколь он могуществен и как много вреда может вам причинить. Он всегда вас любил, из-за вашей доброй подруги и кузины, сударыни Бургундской, его супруги; у него есть дети, которые ваши самые близкие родственники. К этой стороне следует приблизиться и породниться, а не к англичанам, которые вам ничто и которые всегда думают о своих интересах, никогда о ваших, как вы не можете не знать; вы часто в этом убеждались, и, воспитанный у них, вы должны их знать» [26].

Герцог Бретонский, слыша такие разумные речи своего совета, не знал, что ответить и что думать. Он ходил по покою, прислонялся к окну, глядя во двор. Затем он повернулся к своим советникам: «Я хорошо вижу, — сказал он, — что вы даёте мне добрые советы, и они мне нужны; но как заменить ненависть дружбой? как смогу я полюбить Оливье де Клиссона, который так часто меня оскорблял? Ах! Почему я не умертвил его, когда он был в моей власти!»

« — Эх! Будь он убит, — сказали советники, — стали бы вы от этого в выигрыше, монсеньор, и смогли бы лучше удержать его замки и наследство? Мы в юрисдикции Парижского парламента; после его смерти Жан де Блуа и виконт де Роган, его зятья и наследники, обратились бы в палату этого парламента, чтобы потребовать его наследство, и у вас был бы тот же самый процесс, что и сегодня. Вы его проиграете, ибо у вас нет никого, кто мог бы ответить на обвинения, по которым мессир Оливье де Клиссон предал вас суду в парижском дворце. Всё это заставляет о вас дурно говорить во Франции. Гораздо лучше до окончания процесса

вернуть замки, не дожидаясь приговора. Тем самым вы избежите всякого народного скандала, столь опасного для чести; вы заключите мир с теми, кто должен быть вашими друзьями, с королём Франции, вашим сюзереном и естественным господином, с герцогом Бургундским, вашим родственником. Посмотрите, как хорошо пришлось вашему двоюродному брату, графу Фландрскому, снискать их благоволение: без короля, его дядей и знати Французского королевства он был бы навсегда изгнан из своего наследства».

« — Ну что ж, — сказал герцог Бретонский, — я хочу вам верить и сделаю, как вы мне посоветовали». Действительно, он отменил арест замков коннетабля. Но это было не всё; королевский совет требовал возврата денег; необходимо было, чтобы герцог лично явился перед пэрами Франции, извинился и подчинился их суду. Вот чего должны были добиться от него сир де Куси и другие депутаты: герцоги Бургундский и Беррийский особенно рекомендовали им говорить с ним мягко и ни в чём не настаивать. Они обещали сами выехать ему навстречу до Блуа, чтобы оказать ему честь.

Никто не был лучше избран для этого поручения, чем сир де Куси. Помимо того что он был шурином герцога и его большим другом, он был сеньором, исполненным наибольшей любезности и умения убеждать во всём христианском мире; повсюду, где он бывал, во Франции, в Англии, в Германии, в Ломбардии, никто не умел так нравиться, как он; это было его природным свойством, и, кроме того, он повидал много стран, многих людей и много дел. Герцог весьма обрадовался его прибытию, взял его за руку: «Ах, мой дорогой брат, — сказал он, — как я рад видеть вас в Бретани; вы любите охоту; прежде чем вы уедете, я дам вам поохотиться с собаками и соколами». Сир де Куси и не думал ему о чём-либо говорить и вёл с ним лишь пустые беседы, ради времяпрепровождения, как подобало между великими сеньорами, давно не видевшимися. Затем мало-помалу, своей лёгкой и изящной манерой, мягкими и любезными речами он растопил всё, что оставалось в нём от гнева; другие тоже хорошо говорили; но такой принц, как сир де Куси, был лучше приспособлен, чтобы убедить другого принца.

Короче говоря, герцог Бретонский отправился в Блуа. Туда прибыл герцог Беррийский, а вскоре после него в великой пышности явился герцог Бургундский с Гильомом Эно, своим зятем, и Жаном, графом Неверским, своим старшим сыном. Герцог Бретонский не замедлил прибыть. У него была небольшая свита, и он привёл с собой почти что лишь свой двор, что составляло около трёхсот коней. Он не намеревался ехать в Париж: хотел лишь повидать дядей короля и затем вернуться домой. Когда они настаивали, чтобы он завершил так хорошо начатое и прибыл в Париж, он отказывался и оправдывался плохим здоровьем; но ему предлагали носилки или колесницу: затем ссылаясь на малочисленность своей свиты; но ему отвечали, что это даже более уместно, когда он едет [27] к своему сюзерену. Тогда герцог Бретонский говорил: «Но я встречу там мессира Оливье де Клиссона, который будет говорить со мной гневные и неприятные речи, и посмотрите, какие беды могут из-за этого случиться». — «Нет, — отвечал герцог Бургундский, — не бойтесь этого, мой дорогой кузен; мы вам торжественно клянёмся, что вы не увидите, если того пожелаете, ни коннетабля, ни Жана де Блуа; вы увидите лишь короля, который окажет вам большой приём, как и бароны и рыцари Франции». После этих уверений герцог Бретонский согласился приехать в Париж. Он совершил туда торжественный въезд 23 июня 1388 года в сопровождении блестящей свиты рыцарей, между графом Эно и графом Неверским. Он проследовал по улице Арп и мосту Сен-Мишель среди толпы народа, который уже некоторое время только и слышал об этом герцоге Бретонском, которого столько раз посылали за ним, а он не желал являться. Он сошёл с коня у ворот Лувра и нашёл там первых сеньоров королевства, которые его ждали, — сира де Куси, графа Савойского, мессира Жана де Вьенна, мессира де ла Тремуиля, графа Мо, мессира Жана де Руа и других. Он вошёл к королю; все выстроились по обе стороны; он преклонил колено, переступив порог, поднялся, второй раз преклонил колено и, наконец, встал на колени, приветствуя короля и сняв шляпу: «Монсеньор, — сказал он, — я приехал вас повидать, да хранит вас Бог». — «Большое спа-

сибо, — сказал король, — у нас было большое желание вас видеть; у нас будет время поговорить». Тогда он поднял его, и герцог приветствовал всех принцев и сеньоров, находившихся там. Королевские метрдотели поднесли ему кувшин для омовения рук и полотенце, которых он коснулся кончиками пальцев; вскоре после этого он отклонялся королю и был с великой церемонией отведён в свой отель [28]. Впоследствии он не раз виделся с королём и его дядями и получил самый милостивый и публичный приём. Многие люди этому удивлялись. Коннетабль был весьма недоволен таким поведением по отношению к себе [29] и охотно бы действовал силой; он хотел проверить, поднимет ли герцог вызов на поединок, который он бросил. Дяди короля из всех сил старались его успокоить: дело было нелёгкое. Наконец, он согласился положиться на решение королевского совета. Но его гнев вспыхнул вновь, когда он узнал, что король по просьбе своих дядей простил герцогу всё оскорбление и всё посягательство; так что теперь речь шла лишь о гражданском процессе между ним и этим принцем. Он, однако, предстал перед королём в его совете и изложил свою жалобу, напомнив о беззакониях герцога и бесчестной манере, в которой тот себя вёл. Люди герцога Бретонского, выступавшие за него, извиняли его как могли. После выслушивания сторон дело было передано на рассмотрение, и канцлер сказал, что король свершит правосудие над тем, кто в нём нуждается: было ещё много совещаний в совете; дело тянулось долго, как часто случалось с делами в те времена; наконец приговор был оглашён канцлером. Он обязывал герцога Бретонского возратить вышеупомянутому коннетаблю де Клиссону город Жюгон и замки Жосселен, Блен и Ла-Рош-Дерьен со всеми находившимися там драгоценностями, сокровищами и движимым имуществом, и сверх того сто тысяч франков в качестве ущерба и издержек. Так была заключена между герцогом и коннетаблем мир, который вряд ли мог долго продлиться.

Тогда стало возможным предпринять войну против Гельдерна. Сир Гийом де ла Тремуиль и бургундские рыцари уже показали там свою доблесть и дали почувствовать своё присутствие. Они захватили врасплох город Асселен, который их слуги разграбили; затем они разместили гарнизоны в трёх замках на берегу Мааса, которые атаковал герцог Гельдернский и которые были первой причиной его войны с герцогиней Брабантской. Но брабантцы были позорно обращены в бегство в битве, где их было по крайней мере шестеро против одного. Этот славный подвиг немало увеличил спесь и самонадеянность герцога Гельдернского. Герцогиня Брабантская посылала одно посольство за другим к своему племяннику герцогу Бургундскому, чтобы ускорить помощь со стороны Франции; но хотя дело её касалось, она не проявляла большего нетерпения, чем сам король Франции. Вызов герцога Гельдернского сильно оскорбил его; кроме того, он не желал ничего так сильно, как стяжать славу на войне. Он находился в Монтеро, он привёз туда герцога Бретонского, которому очень не терпелось вернуться домой и который день ото дня ждал окончания своего дела. В то же время по всему королевству были разосланы приказы собрать воинов; ибо формировалась совершенно королевская армия, почти столь же многочисленная, как когда собирались идти на Англию. Делались также огромные запасы, и были наложены новые талы [30]. Во главе всего этого дела стоял герцог Бургундский; если это стоило денег королевству, его собственные владения не щадились более. Он добился выплаты ста тысяч франков городами Фландрии. Что же касается Бургундии, Герцог ограничился тем, что получил субсидии и талы, наложенные там королевским советом [31].

Однако все мудрые люди королевства и даже королевского совета считали, что ничто не было более бесполезным, чем столько шума и расходов; достаточно было бы, говорили, послать против этого мелкого князя шесть-семь тысяч копий под командованием одного из дядей короля или коннетабля.

Герцог Бургундский хорошо видел, что это мнение было разумным, и он хотел бы воспрепятствовать королю лично участвовать в гельдернской войне. Он мягко попытался убедить короля отказаться от этого. Но молодой принц так увлёкся этой войной, что ответил своему дяде: «Если вы пойдёте без меня, это будет против моей воли, и я не дам вам ни денье; это

мой единственный способ вас принудить» [32]. Королю было тогда двадцать один год, и он начинал проявлять волю. Его дяди имели много врагов даже в совете. Их поведение по отношению к коннетаблю особенно настроило умы против них. Поэтому им приходилось не перечить королю и угождать ему.

Какие бы нетерпение и спешка ни сопутствовали этому предприятию, необходимо было принять одну меру предосторожности. Герцогство Гельдернское было частью Германской империи; король Франции был обязан по договорам, скреплённым клятвой перед папой, никогда не вступать с оружием в руки на земли, находящиеся под сюзеренитетом императора; поэтому сочли, что посольство должно быть отправлено к императору, чтобы объяснить ему мотивы этого нападения и оскорбление, которое король получил от герцога Гельдернского. Сир Ги д'Онкур и магистр Ив д'Ориент из Парижского парламента были уполномочены на эту миссию [33]. В ожидании ответа всё же выступили в поход. Было два пути: один через Брабант, который был легче, и где армия должна была найти больше средств к пропитанию; другой — через французские провинции и Шампань, затем с большим трудом предстояло пересечь обширный Арденнский лес. Поэтому король написал герцогине Брабантской, чтобы испросить проход через её земли. Она охотно бы согласилась; но добрые города Брабанта и рыцари этой страны, думая о всех опустошениях, которые причинят французы, категорически отказались; они сказали, что запрутся в своих городах и замках и будут обращаться с королевской армией как с вражеской. Герцогиня посоветовала им послать депутатов к королю, чтобы передать ему этот ответ; она не хотела, чтобы такой отказ можно было приписать ей. Герцог Бургундский выступил покровителем посланцев Брабанта и добился принятия решения в пользу другого пути. Поэтому пришлось выслать вперёд две тысячи пятьсот работников, чтобы срубить деревья, кустарники и изгороди в Арденнах, чтобы проложить путь для этой большой армии и всех её обозов, где насчитывалось двенадцать тысяч повозок, не считая вьючных животных.

Это решение пощадить Брабант, рискуя остаться без продовольствия и заставляя армию много страдать, усилило ропот против герцога Бургундского. Его упрекали больше, чем когда-либо, в том, что он думает лишь об интересах своих собственных владений; ибо Брабант должен был ему достаться. Потребовалась вся его власть и его умение хорошо говорить, чтобы он смог преуспеть в том, чтобы взять верх в советах короля; там уже начинали с каждым днём уставать от его абсолютной власти [34]. Чтобы немного пощадить провинции своего королевства, которые так много претерпели, король приказал, чтобы воины ничего не брали без оплаты; но поскольку им не выплачивали жалованье, они не подчинялись этому приказу, и страна сильно страдала. В Шалоне король получил ответ императора Германии. Тот весьма благосклонно принял двух посланцев и ограничился тем, что сказал им: «Я удивлён, что мой кузен, король Франции, собрал столько людей и сделал столь большие расходы. Ему стоило лишь обратиться ко мне. Я бы заставил этого герцога Гельдернского образумиться без стольких приготовлений». — «Государь, — ответили посланцы, — король, наш государь, никогда не считается с расходами, когда дело касается его чести». — «В таком случае, — сказал император, — он может действовать по своей воле, а я не стану этим тревожиться» [35].

Армия продолжила свой путь, переправилась через Маас в Музоне, вступила в герцогство Юлихское и начала его опустошать. Герцог Юлихский, однако, не был ни в чём виноват в поведении своего сына; напротив, он всеми силами старался обуздать его гордыню. Это и пришёл изложить королю и его дядям епископ Льежский, умоляя пощадить эту несчастную страну. Королевский совет постановил, что необходимо, чтобы сам герцог Юлихский явился с извинениями. Он действительно прибыл, представленный герцогом Лотарингии и архиепископом Кёльнским, своим братом; весьма смиренно, на коленях, он заверил короля, что прилагал усилия, чтобы воспрепятствовать безумству своего сына, но тщетно, ибо герцог Гельдернский поступал лишь по своей воле; что, однако, он просит разрешения отправиться к нему, чтобы ещё попытаться сделать его более разумным. Он предлагал, если не сможет в этом преуспеть,

открыть свои собственные города и замки для королевской армии, чтобы разместить там гарнизоны [36]. Король поднял его и, посмотрев на своего брата, своих дядей и людей своего совета, находившихся там, ответил, что он об этом подумает. Герцог Бургундский, которого это дело касалось более всех прочих, как наследника Брабанта и того, ради кого король и армия пришли сюда, найдя его предложения разумными, принял их. Всё было согласовано. Герцогу Юлихскому оказали большой приём; он принёс клятву верности и принёс оммаж за сеньорию Вьерзон, которая была ему возвращена, и он вновь стал человеком короля. Затем он отправился в Неймеген к своему сыну; он застал его поначалу столь же самонадеянным и не желавшим слушать никаких доводов. Герцог Гельдернский рассчитывал на помощь короля Англии. Когда его отец и архиепископ Кёльнский представляли ему, что англичане целиком заняты своими внутренними раздорами, что испанская экспедиция и война с Шотландией разорили их армию и финансы, он оправдывался союзами, которые он поклялся соблюдать: «Вы хотите меня обесчестить, — говорил он; — я не могу теперь стать человеком короля Франции, которому я бросил вызов, и врагом короля Англии, который имеет моё слово и мою печать. Оставьте мне следовать моему замыслу. Я мало тревожусь об угрозах французов. Воды, дожди, холод будут сражаться за меня; и пусть наступит январь, мало кто из них здесь останется. Немцы из-за Рейна уже собрались в отряды. Это самые лютые грабители в мире; они следуют за французской армией и держатся рядом, как стаи хищных птиц; они захватывают фуражиров, оставших; как только рыцарь хочет отклониться и отважиться вперёд, они его скоро берут или убивают. Чем больше французов, тем меньше они найдут пропитания. Если они останутся вместе, они умрут с голоду: если разделятся, нашим людям будет с ними легко справиться» [37]. Герцог Юлихский не мог поколебать его во всех этих рассуждениях; в течение шести полных дней его отец говорил с ним тщетно. Герцогиня Юлихская, его мать, также пришла умолять его. Его дядя, архиепископ Кёльнский, человек большой мудрости, также не слишком был выслушан. Наконец, герцог Юлихский разгневался из-за такого упрямства и серьёзно пригрозил лишить его наследства. Тогда герцог Гельдернский сказал ему: «Мой долг — повиноваться вам, и я готов, из любви к вам, выслушать предложения; но сохраните мою честь».

И вот что было условлено: он отречётся от своего письма с вызовом, сказав, что доверил свою печать рыцарям, уполномоченным вести переговоры о его союзе с королём Англии, и что это они, без его ведома, написали письмо; что, впрочем, он не расторгнет свой союз, но обязуется под присягой никогда не начинать войну с королём Франции, не предупредив его за год.

Король и его дяди удовлетворились этим соглашением, тем охотнее, что то, что думал герцог Гельдернский об их армии, не лишено было истины, и она начинала сильно страдать. Герцог Юлихский привёл своего сына в королевский лагерь, тот извинился в предписанных выражениях и, стоя на коленях, принёс свою клятву: затем он был весьма хорошо принят королём и отужинал за его столом. Он попросил, чтобы ему вернули пленников, которые у него были взяты, и это было удовлетворено. Но когда король также попросил вернуть своих, а среди них были важные, как сир де Бусико и сир де Жьяк, сын канцлера, герцог Гельдернский ответил: «Государь, я всего лишь бедный человек, и когда я хотел защищаться от вас, я воспользовался, как только мог, помощью рыцарей из-за Рейна, пообещав им оставить всю прибыль, какую они смогут извлечь из этой войны. Я не могу отнять у них их пленников или лишить их выкупа. Они начали бы войну со мной самим» [38]. Король хорошо видел, что большего он не получит. Он подумал, что великому принцу, как он, подобает не придирается к мелочам и позволить бедным людям хорошо устроить свои дела [39]. Герцог Бургундский способствовал облегчению всех этих переговоров. Он заплатил из своих средств выкуп за сира де Жьяка, который был его камергером, и за некоторых других рыцарей. Он также возместил герцогу Юлихскому часть ущерба, причинённого его стране.

Был конец октября, король вернулся на дорогу во Францию. Погода была плохой, пути непроходимыми. Обозы увязали в грязи или терялись в разлившихся реках. Герцог Бургундский, пожелавший утихомирить некое волнение в своём городе Вердене, ещё задержал движение, направившись туда. Переправа через Маас была трудной, там утонуло много людей. Все роптали на Герцога, и эти бедствия приписывались ему. Мало-помалу те из королевского совета, кто был против его дядей, преуспевали в том, чтобы настроить его против них. Особенно герцог Туренский, брат короля, старался дать ему знать мнение стольких верных слуг и убедить его, что герцоги Бургундский и Беррийский всегда действовали ради своей выгоды или выгоды своих приверженцев, но никогда ради общественного блага. Король прибыл в Реймс накануне Дня Всех Святых; после празднования этого праздника и на следующий день праздника Мёртвых он собрал большой совет в зале архиепископского дворца, где остановился. Там присутствовали его дяди, брат, кузены, главные прелаты и сеньоры. Канцлер сначала изложил, что король приказал обсудить, уместно ли, чтобы отныне он сам управлял своим королевством. Затем, обращаясь к Пьеру Эселену де Монтегю, кардиналу Лаонскому, он попросил его высказать своё мнение. Кардинал хотел отказаться говорить первым, но по прямому приказу короля он показал, что король достиг подходящего возраста, что он теперь хорошо знает положение и нужды своего королевства, и заявил, что для предотвращения действия ненависти, которую сеньоры питали друг к другу к великому общему вреду, он полагает, что король один должен иметь управление своим королевством и более не быть под управлением кого-либо. Тут он указал, не называя имён, на дядей короля и особенно на герцога Бургундского. Архиепископ Реймский и военачальники также придерживались этого мнения; совещание было таким образом завершено: король, взяв слово, милостиво поблагодарил своих дядей за попечение, которое они имели о его особе, и за труды, которые они понесли ради дел королевства, прося их всегда сохранять к нему свою любовь. Они были весьма удивлены и не ожидали столь внезапной перемены. Они попрощались с королём, потребовав больших компенсаций и вознаграждений. Герцог Беррийский отбыл в своё наместничество Лангедок, а герцог Бургундский — в свои владения, забота о которых вполне могла его занять; от этого он не стал более довольным, потеряв таким образом власть и управление королевством. Его слуги были ещё более раздосадованы, ибо они извлекали из этого немалую выгоду, и именно они получали все должности и все милости; впрочем, дело показалось всем хорошим и разумным [40].

Король был приятной наружности, мягок и благожелателен; его лицо, его учтивые и негорделивые манеры нравились всем. Невозможно было видеть его без того, чтобы не проникнуться к нему любовью, столько было в нём милости и доброты в обращении. Народ чувствовал к нему нежность и любил видеть его проезжающим по улицам. Говорили, что он обладает большим умом и прямоотой. Старые друзья и слуги короля Карла V вновь взяли верх. Коннетабль, сир де Куси и сир де ла Ривьер начали иметь большую долю в управлении; Жан ле Мерсье, сир де Новиян, большой друг короля, сир де Монтегю, сир де Виллен также имели большое влияние. Они все входили в совет из двенадцати человек, который был тогда поставлен во главе дел [41]. Герцог Бурбонский, которого все уважали, сохранил доверие короля.

Народ особенно обрадовался этой перемене. Налоги были уменьшены. Были упразднены многие пенсии и ненужные должности, которые дяди короля раздавали. Добрый город Париж вернул себе часть своих свобод. Ему вернули прево купцов, но сделали его королевским чиновником, а не более коммунальным, как в прошлом.

Вскоре после этого кардинал Лаонский, первым высказавший своё мнение на совете в Реймсе, внезапно умер. Он настойчиво просил перед смертью, чтобы не было никакого расследования или наказания относительно его смерти. Однако его тело вскрыли, и стало ясно видно, что он был отравлен.

Герцог вернулся в Бургундию и занялся приведением своих дел в порядок. Он был всё более обременён долгами. Ничто не могло удовлетворить его великолепию и расходы. Он

собрал Штаты в Дижоне и добился от них субсидии в 25 000 ливров, из которых 1000 ливров были даже непосредственно переданы кредиторам, снабжавшим его дом. Для большей безопасности сборщик налога должен был платить им напрямую.

В то же время Герцог был поражен состоянием грязи, в которой пребывал его добрый город Дижон; более нельзя было, во времена зимы и дождей, пройти там пешком или верхом без больших трудностей; он приказал, по решению своего совета и счетоводов, после выслушивания церковных лиц, мэра и эшевенгов упомянутого города, чтобы город был вымощен. Жители должны были очистить и выровнять улицу перед своим домом, и комиссары могли даже возложить на богатых обязанность по бедным. Эти комиссары выбирались из мэра и эшевенгов для горожан, а духовенство назначало своих. Мощение производилось за счёт герцогства, и уже в первый год Герцог назначил две тысячи золотых франков на эту цель. Работы длились шесть лет [42].

Ему также пришлось начать войну с архиепископом Безансонским, который утверждал, что хартия императора Фридриха I даёт ему право чеканить монету. Герцог конфисковал временные владения архиепископа, хотя тот прелат ссылался на то, что его временные владения являются непосредственным доменом Империи. Папа, чтобы уладить этот раздор, назначил архиепископа кардиналом и вызвал его к себе [43].

Но хотя Герцог более не принимал такого участия в управлении королевством, король, его племянник, не имел намерения удалять его от своей особы, и тот вскоре вернулся во Францию. Его призывали туда уже не для дел, а для того, чтобы своим присутствием почтить и своим великолепием украсить непрерывные празднества, которые давал король. Никогда ещё принц не проявлял такого рвения, такой большой активности для пышных церемоний, турниров, всевозможных увеселений.

Поэтому надежды народа получить некоторое облегчение продлились недолго. Расходы производились не теми же людьми, но от этого они не уменьшались. Король был весьма расточителен и мотоват. Там, где его отец дал бы сто экю, он давал тысячу [44]. Финансы нисколько не шли на благо общественного дела и целиком утекали в частные кошельки. Камер-де-компт сколько ни делала представлений против этих чрезмерных злоупотреблений, дела шли своим чередом. Вскоре повысили габель на соль и начали изменять монеты, чтобы извлечь выгоду. Сир де Новиан, управлявший финансами, решил, что для лучшего сохранения королевской казны следует хранить её не в монете, а в слитках, как делал король Карл V. Он даже взялся отлить из неё статую оленя. Это было тело девиза короля, и, без сомнения, надеялись таким образом приохотить его не тратить это золото. Отлили лишь голову оленя; дальше дело не пошло [45].

Первое большое празднество было дано для посвящения в рыцари короля Сицилийского и герцога Мэнского, сына герцога Анжуйского, погибшего несколькими годами ранее в своей итальянской экспедиции и чья вдова нашла убежище при короле. Эта церемония была торжественно проведена в Сен-Дени. Он сам дал *assolade* своим юным кузенам. Всё было тщательно соблюдено, как предписывали обычай и правила рыцарства. В течение трёх последующих дней состоялись большие турниры. В первый день рыцари участвовали в турнире, и король был держащим поле; он носил в качестве эмблемы золотое солнце; его свиту составляли принцы его крови и все главные сеньоры королевства. Каждого рыцаря к входу на ристалище приводила дама, великолепно одетая, которая вела его коня за золотую ленту и сама ехала на амблирующей лошади. Когда прибывали на ристалище, дама сходила с коня, давала рыцарю поцелуй, наставляла его вести себя доблестно, затем поднималась на трибуны, которые были возведены и покрыты гобеленами.

Во второй день державшим поле турнира был герцог Неверский, старший сын герцога Бургундского. Он носил серебряное солнце и также явился с большим блеском. Это был день оруженосцев.

На третий день ристалище было открыто для всех желающих, и вечером состоялся большой маскарад, где, как говорят, произошло множество любовных приключений, весьма достойных порицания и ставших причиной множества вражды и мести [46].

Сразу же после этого празднества король велел провести в Сен-Дени другую церемонию. Чтобы почтить память мессира Дюгеклена, коннетабля Франции, для него устроили большую заупокойную службу. Его старый соратник, сир де Клиссон, возглавлял траурную процессию, весь одетый в чёрное, за ним следовали два маршала Франции, Оливье Дюгеклен, брат покойного, и несколько других рыцарей. Епископ Осерский, который служил, вышел, как и король, к входу в хор. Там герцог Бургундский, герцоги Бурбонский, Лотарингский и Барский, сир де Клиссон, де Лаваль и д'Альбре преподнесли двух боевых коней и двух турнирных коней. Епископ возложил на них руку, затем сир де Бомануар и де Лонгвиль и шестеро других поднесли щиты. Герцог Туренский, брат короля, граф Неверский, принц Наваррский и Анри де Бар шли следом, неся мечи коннетабля за остриё. Другие рыцари держали шлемы, другие — знамёна с его гербами. Все эти приношения были размещены перед алтарём; прелат взойшёл тогда на кафедру и произнёс хвалу этому доброму коннетаблю [47]. Когда он дошёл до слов: «Плачьте, люди войны, сир Бертрана больше нет, который вас так любил и который в своё время совершил столь славные подвиги. Да смилуется Бог над его душой, ибо ни у кого не было столь доброй» [48]; тогда принцы и рыцари залились слезами. Все были весьма удовлетворены почестями, оказанными королём столь благородному и столь доблестному рыцарю.

Вскоре после этого свадьба герцога Туренского с мадам Валентиной, дочерью Галеаццо Висконти, сеньора Милана, была пышно отпразднована в Мелене.

Но самым великолепным празднеством был въезд королевы в Париж. С тех пор как она вышла замуж четыре года назад, она часто туда приезжала. Король пожелал, чтобы её наконец приняли с великой торжественностью, и никогда до этого дня не видели ничего столь прекрасного, как эта церемония.

Королева выехала из Сен-Дени в носилках в сопровождении герцогини Бургундской, герцогини Беррийской, герцогини Барской, графини Неверской, дамы де Куси, каждая в своих носилках, и герцогини Туренской, восседавшей на прекрасном палафриде. Перед носилками верхом на конях шли герцог Туренский и герцог Бурбонский; по обе стороны — герцог Бургундский и герцог Беррийский; позади — граф Остревана и сир Анри Наваррский. Каждые носилки дам, следовавших за королевой, также сопровождались рыцарями. Сир Анри де Бар и сир Гийом де Намюр были рядом с герцогиней Бургундской. При выезде из Сен-Дени дорога была обставлена двенадцатью сотнями парижских горожан, верхом на лошадях и одетых в красные и зелёные одеяния. После того как кортеж прошёл сквозь толпу, теснившуюся на пути, он прибыл к воротам Сен-Дени; там было устроено небо и облака, полные маленьких детей, изображавших ангелов; среди них Богоматерь, держащая на руках маленького младенца Иисуса, который играл с вертушкой из пустого ореха. Золотое солнце с гербами Франции и Баварии сияло на этом небе, и ангелы мелодично пели.

На улице Сен-Дени была сооружена под синим балдахином с лилиями фонтан, колонны которого были украшены гербами самых знатных сеньоров Франции. Фонтан окружали прекрасные молодые девушки, нарядные, в красивых шапках из золотой парчи. Они пели и предлагали в серебряных кубках ипакрас и сладкие ликёры, струившиеся из фонтана.

Дальше, перед монастырём Троицы, был устроен большой помост, на котором изображалась крепость. Рядом виднелись король Саладин и его сарацины; а с другой стороны — король Ричард Львиное Сердце с его рыцарями, несущими свои щиты такими, какими они были у них в крестовом походе. Король Франции был изображён там на троне в окружении двенадцати пэров его королевства, каждый со своим гербом. Король Ричард почтительно приблизился к нему, попросил разрешения пойти сразиться с королём Саладином; и тогда увидели представление прекрасной битвы.

У вторых ворот Сен-Дени, которые позже были снесены по приказу Франциска I, было ещё одно небо, более богатое, чем первое, с Отцом, Сыном и Святым Духом. Певчие мальчики, одетые ангелами, пели, и вдруг, когда королева проезжала, двое из них механически спустились и возложили на её голову золотую корону, распевая:

Благородная дама из лилий,
Будьте королевой рая
Франции, этой прекрасной страны.
Мы возвращаемся в рай.

Вся улица Сен-Дени была покрыта и задрапирована камлотными тканями, шёлковыми материями и прекрасными гобеленами, изображавшими персонажей различных историй.

У Шатле был устроен парк, засаженный деревьями, где резвились зайцы, кролики и птицы; в этом парке был замок с башнями, каждый зубец которых охранял воин. На террасе находилось королевское ложе правосудия, где восседала святая Анна. Тогда из леса вышел большой белый олень, который мотал головой и вращал глазами; это должно было напомнить о девизе короля. Орёл и лев двинулись, чтобы атаковать оленя, но он взял меч правосудия на ложе, чтобы защититься, и двенадцать девушек с мечами в руках также пришли его защищать. Механизмы всех этих животных были, по словам каждого, весьма искусно сделаны.

Большой мост Нотр-Дам был покрыт и задрапирован ещё великолепнее, чем улица Сен-Дени. Когда королева оказалась посередине, некий генуэзец, очень ловкий человек, внезапно спустился с высоты башен Нотр-Дам, балансируя по натянутой верёвке и неся два зажжённых факела. Наконец кортеж прибыл к церкви Нотр-Дам. Епископ Парижский со всем своим клиром пришёл встречать королеву; герцоги Бургундский, Беррийский, Туренский и Бурбонский помогли ей сойти с носилок. Её также короновали ими, и после того как она сделала великолепные приношения церкви, её отвели во дворец при свете более пятисот факелов.

Утром в день этой церемонии король сказал своему камергеру сир де Савуази: «Прошу тебя, возьми доброго коня, я сяду позади тебя. Мы оденемся так, чтобы нас не узнали, и пойдем посмотреть на прибытие моей жены». Савуази не хотел этого делать, но король был так настроен, что пришлось уступить. Он отправился сквозь толпу и получил от приставов хорошие удары палкой за то, что пытался подойти к кортежу слишком близко. Вечером он рассказывал об этом забавные истории королеве и дамам.

На следующий день во дворце на мраморном столе был дан великолепный банкет. Король был в королевских одеяниях, с алым мантием, подбитым горностаем, и в короне на голове. Королева также была в великолепном наряде. За их столом сидели епископы Нуайона и Лангра, архиепископ Руанский, король Армении [49], который в то время был во Франции, герцогини Бургундская, Беррийская и Туренская, графиня Неверская, мадемуазель де Бар, мадам де Куси, мадемуазель д'Аркур и мадам де ла Тремуль. Толпа народа, наблюдавшая за этим пиршеством, была так велика, что от жары королева и мадам де Куси упали в обморок.

В качестве интермедии во дворе дворца был устроен замок, изображавший город Троя. Его защищали король Приам, его сын Гектор и троянские принцы в полном вооружении, несущие свои гербы на своих знамёнах; и его атаковали греческие цари, гербы которых также были изображены. Вечером в отеле Сен-Поль, где обычно жил король, состоялся большой бал. На следующий день город Париж пришёл предложить великолепные подарки королеве и герцогине Туренской. Празднества завершились турниром, где король предстал во главе тридцати рыцарей, первых в королевстве, которых он избрал рыцарями Золотого Солнца. Он сам появился на ристалище и завоевал приз за турнир [50].

С англичанами только что было заключено перемирие на три года; король оказался незанятым; он любил движение и новизну и легко позволил убедить себя тем из своего совета, особенно сиром де ла Ривьер, который прибыл из Лангедока, посетить эту провинцию и часть своего королевства. Становилось настоящим навести порядок в ужасных поборах герцога

Беррийского. Жалобы поступали со всех сторон. Монах ордена святого Бернара мужественно приехал из Тулузы, чтобы рассказать королевскому совету, как обстоят дела вдали от его глаз. Говорили, что более сорока тысяч семей уже покинули страну, чтобы поселиться в Арагоне или в Прованском королевстве [51]. Папа из Авиньона давно очень желал видеть короля и обсудить средства объединить всё христианство под одним понтификом. Наконец, королю хотелось познакомиться со знаменитым графом Фуа, который слыл самым мудрым, учтивым, богатым, одновременно бережливым и великолепным принцем своего времени. Достигнув уже старости, он всегда ставился в пример принцам и рыцарям, так умел он внушать страх и уважение [52]. Он также был большим другом учёных людей и особенно тех, кто сочинял романы, песни и поэзию. Помимо управления своим государством, в чём он был искуснее и упорядоченнее всех сеньоров, его любимым занятием была охота, а под вечер — беседа с клириками, рассказы о всех новостях христианского мира и чтение книг. Он и сам их сочинял. Он недавно послал герцогу Бургундскому прекрасный Трактат об охоте, украшенный миниатюрами и переписанный самым красивым почерком [53].

Король одновременно решил проложить свой путь через Бургундию и навестить в Дижоне герцога, своего дядю. Это был великий повод для празднества и великолепия. Герцог не был человеком, чтобы пренебречь этим. Он немедленно начал приготовления. Ограда монахов Сент-Этьена была подготовлена для турниров. Стены снесли, деревья срубили, заплатив монастырю пятьсот франков в качестве возмещения ущерба; вокруг ристалища возвели помосты и трибуны. Герцог закупил огромное количество красного и белого бархата и атласа, чтобы одеть всех своих рыцарей, и золотой и серебряной парчи для мантий дам. Король выехал из Парижа около Михайлова дня 1389 года. Герцог выехал ему навстречу до Шатийона-на-Сене со своим сыном графом Неверским и всей своей свитой. 7 февраля 1390 года король совершил въезд в Дижон. Герцог Туренский, герцог Бурбонский, сеньор де Куси были в этом торжественном путешествии. Герцог и герцогиня сделали всем им, а также королю, роскошные подарки лошадьми, драгоценностями, золотыми изделиями и драгоценными камнями. Пребывание в Дижоне длилось более недели; всё это время были лишь танцы, пиры, концерты, турниры и всевозможные увеселения. Рыцари со всех владений Бургундии, Савойи и соседних стран прибыли принять участие в этих празднествах [54]; а дамы и девицы старались понравиться молодому королю, его брату герцогу Туренскому, который был самым любезным принцем, и сиру де Куси, образцу всякого рыцарства [55].

Затем король направился в Лион, чтобы отправиться в Авиньон; однако сначала он остановился в Вильнёве, по другую сторону Роны, на французской земле. Вскоре прибыл герцог Бургундский, поспешивший последовать за своим племянником и севший на корабль в Лионе на Роне. Герцог Беррийский уже прибыл. Визит к папе был торжественным. Он принял с большой дружбой короля и его дядей; у него были на то веские причины, ибо Франция была единственным из великих христианских королевств, поддерживавшим папу из Авиньона. Помимо индульгенций, он предоставил королю, принцам и даже сиру де Куси право назначения на многие бенефиции; это не слишком нравилось духовенству и не соответствовало его правам; это было, напротив, милостью для бедных студентов, которые стали учёными и искусными и могли надеяться быть избранными королём. Тут же появился пример того влияния, которое учёные люди имели при совете. Ферри Кассенель, доктор Парижского университета и недавно ставший епископом Осера, был назначен архиепископом Реймса. Его самой прекрасной славой был великий спор, который он только что вёл против доминиканцев. Он добился осуждения папой одного из их докторов за утверждение, что Святая Дева родилась с первородным грехом. Раздоры на этот счёт были столь сильны, что университет запретил доминиканцам преподавание.

Молодой король Сицилийский также был в Авиньоне со своей матерью; папа его короновал. Это стало ещё одним поводом для ликований. Другие сеньоры, как, например, граф Савойский и граф Женевский, приехали повидать короля. Несмотря на то что были у папы

и среди кардиналов, нельзя было отказываться от увеселений. Каждый день танцевали, пели, развлекались с дамами и девицами Авиньона [56].

Когда король собрался уезжать и вступать в Лангедок, его дяди рассчитывали последовать за ним; для них это всё ещё было великим огорчением — не быть ни при чём в управлении; но он попрощался с ними и сказал им, что на этот раз в их услугах не нуждается. И действительно, во время своего пребывания в Вильнёве он узнал поближе, в каком плачевном состоянии оказалась прекрасная и богатая страна Лангедок. Королю говорили: «Ах! Государь, герцог Анжуйский, а затем герцог Беррийский разорили и опустошили этот край. В этой местности, и вплоть до Нима и Монпелье, ещё есть какое-то богатство. Там ведётся торговля, и жители обогащаются по суше и по морю. Но чем дальше вы будете продвигаться, тем больше нищеты найдёте; в сенешальствах Каркассона и Тулузы не осталось ничего из того, что могло попасть в руки этих двух герцогов. Они ничего там не оставили; вы увидите людей столь бедными, что те, кто в прошлом считались богатыми, не имеют средств обрабатывать свои виноградники или пахать свои земли. Это были пять или шесть талей в год; одна ещё не была уплачена, как начиналась другая. Это был то десятый, то четверть, и до трети, а иногда и всё. В конце концов, ваши дяди-сеньоры собрали добрых три миллиона золота от Вильнёва до Тулузы. После отъезда герцога Анжуйского герцог Беррийский нашёл страну ещё довольно изобильной, ибо тот брал только с тех, кто мог платить. Но этот — самый жадный из людей. Не важно, как деньги к нему приходят, лишь бы они у него были. Поэтому он никого не пощадил... И на что он употребил эти финансы? Так же дурно, как это делали столько сеньоров прошлого и настоящего» [57]. Все эти речи тронули короля; он хотел свершить правосудие, и его совет весьма к тому склонял. Сначала он поручил архиепископу Реймскому и сеньорам де Шеврёз и д'Этутвиль провести расследование о поборах, разоривших Лангедок. Тогда-то прелат почти внезапно умер. Каждый думал, что он был отравлен. Одни считали, что это из-за опасений его рвения в порученной ему миссии; более же обычно смерть приписывали доминиканцам, столь сильную ненависть питали они к нему [58].

Король имел твёрдое намерение облегчить участь этих несчастных провинций, и именно поэтому он не хотел, чтобы его советники были стеснены и напуганы присутствием принцев. Герцог Бургундский не стал показывать свою досаду перед королём; но когда он остался с герцогом Беррийским, он сказал ему: «Ну что ж! Вот король, который поедет осматривать Лангедок, чтобы провести расследование о тех, кто им управлял. Вот он, который будет вести переговоры с графом Фуа, самым гордым сеньором из всех, и который никогда не считался ни с одним королём христианского мира. Он берёт с собой в качестве всего совета лишь Ла Ривьера, Ле Мерсье, Монтегю и Ле Бега де Виллена. Что вы скажете на это, брат мой?» — «Король, наш племянник, молод, — ответил герцог Беррийский, — и он берёт советниками совсем новых людей; если он будет им верить, его обманут, и это плохо кончится, вы увидите. А пока нам приходится это терпеть. Придёт время, когда мы заставим раскаться всех — и этих советников, и самого короля. Ей-богу! Пусть они делают, что хотят: мы вернёмся в наши владения. Мы от этого не менее двух величайших в королевстве, и пока мы вместе, никто не может ничего сделать против нас».

Герцог Беррийский вернулся, таким образом, в свой апанаж Оверни, а герцог Бургундский — в Дижон, где возобновил заботу о некоторых делах, которые он начал до поездки короля. Самым важным была покупка графства Шароле, фьефа, зависевшего от герцогства Бургундского и принадлежавшего Бернару, графу д'Арманьяку. Это владение было обширным, и его обладание должно было значительно увеличить богатство и могущество Герцога. Продажа была совершена за шестьдесят тысяч золотых франков, и герцог Альбрехт Баварский согласился, чтобы половина приданого герцогини Остреванской, оставшаяся депонированной в сокровищнице собора Парижской Богоматери в Камбре, была употреблена на эту цель и под этот залог. Штатам вновь пришлось озаботиться средствами выплаты долгов Герцога.

Поскольку он заключил их вне герцогства, и Штаты не считали, что они относятся к интересам Бургундии, было оговорено, что большая часть субсидии будет выплачена напрямую кредитора́м герцогства.

Примерно в это время один из самых могущественных сеньоров Бургундии, Жан де Шалон, убивший одного из сержантов Герцога, был по его приказу схвачен в Конфлане близ Парижа. Герцог велел арестовать его Гийомом де ла Трёмуйлем, Филиппом де Баром и несколькими другими его рыцарями, которые отвезли его в тюрьму в замок Лилль. Оттуда его перевели в Бургундию, и герцогиня, согласно письмам Герцога, находившегося во Фландрии, дважды созывала большой совет, составленный из рыцарей, церковнослужителей и балы главных городов и территорий Бургундии. Проводилось следствие по поводу этого убийства и некоторых других обвинений, выдвинутых против Жана де Шалона. В результате этого следствия шателену Жюньи было приказано выдать исполнителей преступления, укрывшихся в этом замке, сеньором которого был сир де Шалон. Этот шателен отказался, утверждая, что Жюнья — прямой фьеф Империи.

Однако главные сеньоры Бургундии ходатайствовали за Жана де Шалона и выступали поручителями за него. Герцог Беррийский присоединился к ним. С другой стороны, прокурор герцога Бургундского требовал правосудия и добивался суда над виновным. Герцог, затрудняясь, велел принести ему документы начатого процесса; принимая во внимание долгую службу дома Шалон, он заменил уголовное наказание гражданским: что в те времена было весьма в обычае, особенно когда принцам нужны были деньги. Поэтому он конфисковал часть имущества Жана де Шалона и приказал снести и сровнять с землёй барьеры и ворота оставленных ему замков. Виновному также было предписано основать на месте убийства часовню, бенефиций от которой поступал бы в распоряжение Герцога.

В то же время герцог Бургундский добился от короля, чтобы в случае смерти его супруги управление владениями, происходившими от неё, перешло бы к нему, исключая его детей [59].

Через несколько месяцев после возвращения короля из поездки по Лангедоку генуэзцы прислали к нему посольство, чтобы молить о помощи его и французских рыцарей против сарацинов африканского побережья, чьи корабли постоянно беспокоили торговлю на берегах Италии. Они даже часто совершали набеги на сушу и опустошали её. Острова Корсика, Сардиния, Майорка, Эльба, Монтекресто, Пьяноса постоянно подвергались их разорению; и вся торговля христиан в Средиземном море не могла более вестись в безопасности. Генуэзцы, видя, что Франция и Англия находятся в мире на три года, подумали, что достойным предприятием для рыцарей двух наций было бы прийти наказать дерзость этих неверных. Они предлагали предоставить свои корабли для переправы и снабжать продовольствием и припасами всякого рода. Это предложение было встречено с большим рвением рыцарями и оруженосцами, искавшими случая прославиться. Герцог Туренский хотел быть во главе этого крестового похода; не было ничего столь рыцарственного и столь авантюрного, как этот молодой принц. Он был покровителем и как бы главой всех молодых дворян; он помышлял, как и они, лишь о том, чтобы найти случай стяжать славу и пронести далеко честь Франции.

Но дяди короля и его совет не захотели на это согласиться, находя, что такое путешествие не подобает первому принцу королевской семьи. Выбрали герцога Бурбонского, и он получил от короля милость идти таким образом по стопам доброго короля святого Людовика. Самые благородные рыцари королевства добивались чести сопровождать его. Он имел под своим началом даже графа Херефорда, сына герцога Ланкастерского, который впоследствии стал королём Англии. Сир де Куси, адмирал де Вьенн, сир Ги де ла Трёмуйль, мессир Филипп де Бар, сир д'Аркур, граф д'Э поспешили, как добрые и истинные христиане, отправиться сражаться с сарацинами. Они также искали отвлечься от двора [60]; они видели там зарождение стольких раздоров и столь много мало почтенных вещей, что это было великим отвращением для верных слуг короля. Сир де ла Ривьер, сир де Новиан, коннетабль управляли всем. Народ

был разорён налогами, на которые никто не видел употребления; разве что многие люди обогащались и производились самые безумные расходы. Герцога Беррийского отстранили от управления Лангедоком. Его фаворит Бетизак, все поборы и грабежи которого он узаконил, был сожжён как еретик; таков был способ, который избрали, чтобы процесс не казался направленным против самого герцога Беррийского; ибо этот принц узаконил все хищения Бетизака и извлекал из них пользу [61]. Он лишь искал случая отомстить за столько обид, которые он приписывал прежде всего коннетаблю. С другой стороны, между герцогом Туренским и герцогом Бургундским начинала зарождаться большая ревность. Брат короля, сколь бы богатым он ни стал из-за приданого в миллион, которое принесла ему мадам Валентина, и несмотря на прекрасные владения, которые он приобрёл, не мог не завидовать этой великой власти, этим богатствам, этому великолепию своего дяди, которые делали его величайшим в королевстве. Герцог Бургундский сожалел, что более не стоит во главе совета. Он справедливо приписывал эту немилость влиянию герцога Туренского и его супруги, которая умела очень нравиться королю [62].

Во время африканской войны произошло ещё одно обстоятельство, повредившее влиянию герцога Бургундского. Король Англии, наслышанный о всех великолепиях французского двора и особенно о том прекрасном празднестве, данном по случаю въезда королевы, о котором столько говорили, также захотел отличиться каким-нибудь большим увеселением. Он объявил турнир и послал герольдов возвестить о нём во Франции, в Германии, во Фландрии, в Шотландии. Когда весть об этом дошла до Эно, Гильом, граф Остреванский, зять герцога Бургундского, молодой, щедрый и быстрый в решениях, вознамерился отправиться показать себя на этом празднестве и повидать Англию. Сначала он поговорил об этом со своим отцом. «Мой дорогой сын, — сказал ему граф Альбрехт, — вам нечего делать в Англии. Вы женились на дочери герцога Бургундского, а ваша сестра вышла замуж за его сына. Мы соединены и союзны с королевским домом Франции, не нужно искать других дружб и других союзов». Молодой граф настаивал: «Вы — ваш собственный господин, — добавил его отец, — делайте, что хотите; но для блага мира лучше туда не ездить» [63]. Граф Остреванский отправился; он с большим блеском появился на этом турнире и завоевал приз, который был присуждён дамами. Король и королева Англии оказали ему самый великий приём и, чтобы почтить его ещё более, предложили ему орден Подвязки. После некоторых колебаний он принял его и сильно ошибся. Все французские рыцари, приехавшие на празднества, начали говорить, что, принимая цвета и девиз короля Англии, он хорошо показывает, что у него не французское сердце; что это безумие с его стороны так признавать дружбу, которую ему оказывали король Франции и герцог Туренский, и что он скоро в этом раскается. Добавляли, что тот, кто получал ленту Подвязки, приносил присягу королю Англии никогда не вести войну против него; что это значило стать его человеком; и много других речей, не имевших большой истины. Однако, когда король узнал об этом, он подумал то же самое и сильно разгневался. «Пусть теперь приходит, — говорил он, — просить меня дать его брату епископство Камбре! Все эти люди из Эно надменны и полны гордыни; они всегда любили Англию больше, чем Францию. Я хочу, чтобы он пришёл принести мне оммаж за своё графство Остреван, или же я присоединю его к королевству». Королевский совет был того же мнения, и герцог Бургундский, несмотря на огорчение, которое он испытывал, не мог этому воспротивиться. Граф Остреванский, получая такие суровые письма и приказы от короля Франции, хорошо видел, что оказался в затруднительном положении. Никто не мог уладить это дело, кроме герцога Бургундского. Уже говорили о том, чтобы вести войну в Эно. Коннетабль и сир де Куси, возвращавшийся из крестового похода, были склонны к этому мнению; но сир де Новиан и сир де ла Ривьер проявляли больше мудрости. Граф Остреванский последовал совету своего тестя: он приехал в Париж принести оммаж за графство Эно и таким образом примирился с Францией [64].

Между тем крестовый поход длился недолго; после осады Туниса договорились с сарацинами; они выплатили крупную сумму и обещали более не тревожить торговлю христиан. Поскольку болезни и жара каждый день уносили много воинов, удовольствовались этой небольшой выгодой. Это предприятие вновь пробудило у короля и герцога Туренского вкус к войне с неверными и к прославлению христианской веры. «Если бы мы могли, — говорил король, — иметь хороший и долгий мир с англичанами, если бы мы восстановили единство в Церкви, мы исполнили бы обет нашего деда короля Жана и его отца Филиппа, которые оба приняли крест и обещали отправиться в Святую Землю». Видя нетерпение короля употребить свою юность на какую-нибудь войну, ему посоветовали подумать сначала о восстановлении мира в римской церкви. Сир де ла Ривьер и также, как говорили, сир де ла Тремуиль, большие друзья папы Климента, использовали своё влияние, чтобы убедить короля и герцога перейти в Италию, чтобы силой оружия изгнать папу Урбана. Они представляли, что это предприятие славно и легко. Снова пришёл отшельник, желавший говорить с королём и приказывать ему от имени Бога положить конец расколу; но того король не принял лично [65].

Таким образом, проект высадки в Италии был утверждён; должны были отправиться около марта 1391 года с многочисленной армией; король и его брат имели бы под своим началом четыре тысячи копий; герцоги Бургундский и Беррийский — каждый по две тысячи; коннетабль — две тысячи; герцог Бурбонский — тысячу; сир де Сен-Поль и сир де Куси — тысячу [66]. Воины должны были получить заранее три месяца своего жалованья. Поэтому пришлось наложить новые тали. Этот мотив заставил забыть об обстоятельстве, которое несколькими месяцами ранее помешало их требовать; пока королевский совет заседал в Сен-Жермене, чтобы распорядиться о налогах, разразился столь ужасный гром, и буря причинила столько опустошений в лесу, что сочли, что воля небес против этого вымогательства, на которое народ роптал всё более и более [67].

Случилось с этим то же, что и со многими другими. Оно было уплачено, не послужив нисколько общему благу, ни чести Франции. Великая экспедиция в Италию ушла в ничто, как часто случалось с абсолютными волями короля, которым никто не мог ничего противопоставить в первый момент и которые затем падали сами собой [68].

Впрочем, королевский совет разделился в этом пункте, как и во всех других. Если бы начали итальянскую войну, королю пришлось бы принять союз флорентийцев, которые в то время воевали с сеньором Милана и папой; они даже приходили молить о помощи Франции, предлагая признать короля своим сеньором. Но герцог Туренский женился на дочери сеньора Милана; она сама имела влияние на короля [69]; оба они противились итальянской войне, однако не слишком открыто противореча идеям короля.

Вскоре после этого герцог Бургундский и герцог Бурбонский сами склонились к этому мнению, и мотив был столь разумен, что сторонники папы из Авиньона не осмелились более ему противиться, как бы они ни были огорчены. Король Англии действительно только что прислал торжественное посольство, чтобы предложить возобновить новые переговоры для заключения прочного мира. Он объявлял, что сами его дяди, герцоги Глостерский и Ланкастерский, придут в Амьен для консультаций с советом короля Франции, и в его присутствии, если он сочтёт это уместным. Такие предложения не могли быть отвергнуты, тем более что мир между Кастилией и Англией только что был заключён и скреплён браком инфанта Кастильского с дочерью герцога Ланкастерского.

Поэтому от итальянского путешествия отказались; тогда флорентийцы ограничились тем, что призвали на помощь графа д'Арманьяка, шурина Карло Висконти, чей отец был лишён сеньории Миланской Галеаццо, отцом герцогини Туренской. Это предприятие, хотя оно более не совершалось от имени короля, могло быть полезно Франции. Кроме того, граф д'Арманьяк обязывался нанять на свою службу и увезти из королевства компании, которые всё ещё опустошали Овернь, Лимузен, Руэрг, Керси и Верхний Лангедок, где у них ещё было множество

крепостей для укрытия и для гарнизонов. Герцог Бургундский и особенно герцог Беррийский, большой сторонник папы Климента, благоприветствовали этому проекту, хотя и делая вид, что его не одобряют, из-за большого влияния герцогини Туренской [70]. Несмотря на усилия этой принцессы, была распорядилась сбор тальи в двести тысяч франков в провинциях, опустошаемых компаниями; за эту сумму они покидали страну, чтобы следовать за графом д'Арманьяком; герцоги Бургундский и Беррийский даже согласились предоставить им проход через свои владения, как бы неприятен этот проход ни был. Герцогиня Туренская продолжала ставить столько препятствий этому предприятию, сколько могла. Она извещала своего отца обо всех приготовлениях. Однако граф д'Арманьяк благополучно перешёл горы и осадил Александрию; этот доблестный рыцарь вскоре погиб там, попав в засаду, и ничего не было сделано для продолжения его предприятия. Сеньор Миланский, чтобы избавиться от компаний, поспешил дать им по флорину на человека при условии покинуть страну. Тогда они рассыпались по Савойе и Дофине, где совершали свои обычные опустошения. Тем не менее были отданы приказы охранять против этих бандитов проходы в горах и через реки, и множество их погибло от рук жителей или от холода и голода. Так закончились эти банды, которые с тех пор не могли более объединяться; была лишь та, что под началом Аймери де Северака, которая оказалась дальновиднее. Она захватила врасплох отряд дофинских дворян, вооружившихся, чтобы её истребить; епископ Валанса, принц Оранский, граф Валентинуа были взяты в плен. Аймери де Северак взял с них выкуп, получил свободный проход и привёл свою банду в Арманьяк. Эта неудача дофинских дворян покрыла их большим позором. Когда весть об этом дошла до герцога Бургундского, он не смог удержаться от слов: «Я бы хотел, чтобы они все погибли, прояснив столь мало чести и мужества. Лучше было погибнуть, чем переносить такой позор» [71].

В ожидании переговоров в Амьене дела герцога Бретонского начали вновь занимать королевский совет; раздоры по этому поводу были не меньшими, чем по всем остальным. Герцог Бретонский и коннетабль ненавидели друг друга больше, чем когда-либо. Первый чувствовал себя поддержанным дядями короля и особенно герцогом Бургундским, который, как и герцог Беррийский, стал большим врагом коннетабля. Герцогиня Бургундская была первой причиной этой ненависти. Это была женщина решительного характера и твёрдой воли; она была племянницей герцога Бретонского; поскольку она ненавидела всё, что ненавидел её отец, и любила всё, что он любил, она питала живую привязанность к своему дяде; и действительно, граф Фландрский всегда имел к нему братскую дружбу и помогал и утешал его во всех его неудачах. А мадам Бургундская была госпожой в доме; её муж боялся ей перечить, ибо она принесла ему большое наследство и родила прекрасных детей. Она возымела яростную ненависть к коннетаблю и, как следствие, Герцог также питал к нему всё большее отвращение [72]. Герцог Бретонский, зная, что поддерживается столь могущественным принцем, не считался с дурным расположением короля, его совета и почти всех сеньоров Франции и шёл своей дорогой без всякого беспокойства. Так, он не выполнил ничего из того, что предписывал приговор короля, и из того, что он обещал в возмещение обиды, нанесённой коннетаблю. Так, когда король пригласил его присоединиться со своими людьми войны к армии, которая должна была отправиться в Италию, он публично насмеялся над этим предприятием, и продолжал не признавать власть папы из Авиньона. Так, он продолжал чеканить золотую и серебряную монету, тогда как вассалу разрешалось чеканить лишь медную монету; его судебные чиновники не признавали юрисдикции Парижского парламента; он даже дошёл до того, что принимал от своих вассалов абсолютную присягу без оговорки о сюзеренитете короля. Король был поэтому сильно раздражён против него. Он возмущался этим духом мятежа и этим нарушением верности. Коннетабль, со своей стороны, непрестанно жаловался и, творя правосудие самолично силой оружия, возбуждал большие смуты в Бретани. Его партия в королевских советах была многочисленна, и на тот момент он там был могущественнее всех. Великие и верные услуги,

которые он оказал Франции при правлении короля и во времена его отца, снискали ему доверие и любовь всех сеньоров и короля; он был особенно любим герцогом Туренским [73].

Тем не менее король и его брат в то же время проявляли величайшую милость к врагу коннетабля. То был мессир Пьер де Краон, родственник герцога Бретонского, человек весьма рассудительный и умелый. Он уже пользовался всей дружбой герцога Анжуйского, который во время своего предприятия на Неаполь доверил ему большую часть своих сокровищ. Тогда говорили, что сир де Краон по небрежности или жадности позволил своему господину оказаться без средств и денег в самый решительный момент и тем самым бесчестно стал причиной его гибели. Сначала он скрылся бегством от мести, которую навлек на себя; герцогиня Анжуйская всё ещё преследовала его за возвращение сумм, которые она обвиняла его в присвоении. Её считали тем более основательной в своей жалобе, что он вёл великий образ жизни и слыл обладателем несметных сокровищ. Он весьма вкрался своим умом и ловкостью в милость короля и особенно герцога Туренского; этот принц любил его до того, что никогда не расставался с ним, везде брал с собой, посвящал во все свои тайны и даже часто носил одежды, одинаковые с его. А Клиссон выдал свою дочь за графа де Пантьевр, брата герцогини Анжуйской; поэтому он лучше, чем кто-либо, знал о проступках сира де Краона. Часто между ними происходили словесные перепалки, и коннетабль всегда обращался с ним весьма надменно. Таким образом, помимо дружбы и родства сира де Краона с герцогом Бретонским, были большие мотивы ненависти между ним и коннетаблем; он вёл тайную переписку с герцогом Бретонским, информируя его обо всём, что происходило при дворе [74].

Одно происшествие внезапно превратило великую любовь герцога Туренского к сире де Краону в яростный гнев. Принц был тогда красив, молод и влюбчив. Дамы и девицы легко ему нравились, и он вёл весёлую жизнь. Он пламенно любил одну прекрасную парижскую девицу и предлагал ей до тысячи золотых крон за её благосклонность. Поскольку он ничего не скрывал от сира де Краона, он взял его с собой к этой девице. Краон совершил предательство, рассказав всё герцогине Туренской. Та призвала молодую даму и с гневом сказала ей: «Как! Вы хотите, значит, отнять у меня монсеньора?» Бедная девица, вся перепуганная, ответила со слезами: «Ни в коем случае, мадам, не дай Бог; я не смею даже подумать об этом». — «Это правда, — возразила герцогиня, — я всё знаю и хорошо осведомлена; монсеньор любит вас, и вы его любите. Дело даже зашло так далеко, что он обещал вам тысячу золотых крон. Но вы отказали, и поступили мудро. Я прощаю вас на этот раз и запрещаю вам, если дорожите жизнью, впредь иметь с монсеньором никакого общения. Откажите ему».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.